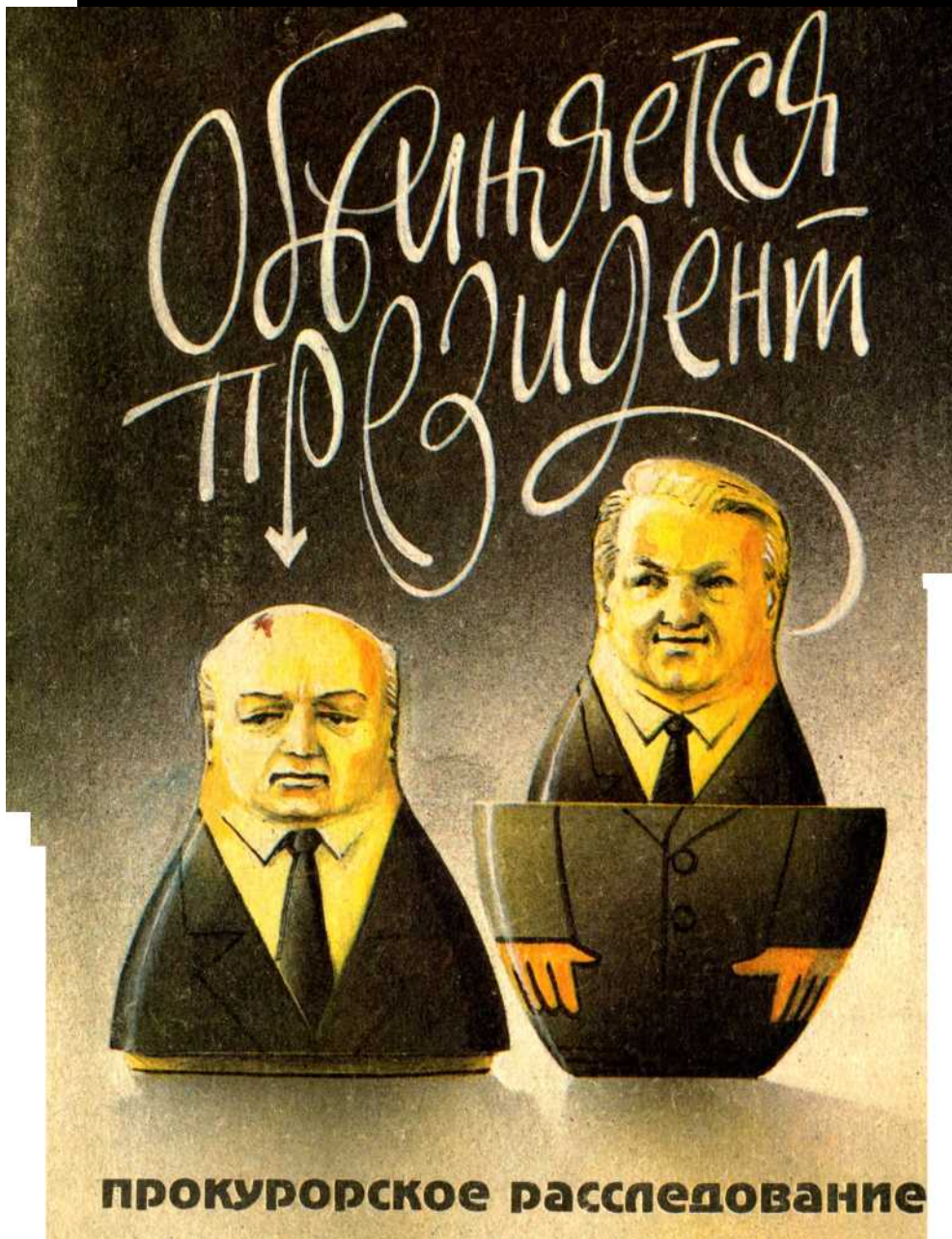


В. Илюхин



ОБВИНЯЕТСЯ ПРЕЗИДЕНТ

ПРОКУРОРСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

КАК СТРАНУ РАЗВАЛИЛИ, ИЛИ ПОЧЕМУ ВОЗНИКЛО В ОТНОШЕНИИ М. С. ГОРБАЧЕВА УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ПО СТАТЬЕ 64 УК РСФСР. ИЗМЕНА РОДИНЕ

ПАЛЕЯ Москва — 1992 Российская серия "Навечно в памяти народной"

Виктор Иванович ИЛЮХИН ОБВИНЯЕТСЯ ПРЕЗИДЕНТ

Тираж 100000 Цена договорная **Slwi** МП ПАЛЕЯ ISBN 5-86020-305-9 ©МП ПАЛЕЯ 1992г.

Подписано в печать 03.02.1992. Формат 60x88 1/16. Бум. кн-журн. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 3,5. Отпечатано с диапозитивов МП ПАЛЕЯ в Подольском филиале ПО "Периодика" ул. Кирова, 25.
Генеральному прокурору СССР ТРУБИНУ Н.С.

"Илюхин прав, президент действительно оказался изменником и предателем Советского Союза и его народа".
г. Баку, МУСАЕВ

Москва, прокуратура СССР

"Выражаю протест действиям Трубина, поддерживаю прокурора Илюхина. Горбачев должен ответить за развал страны, обнищание народа".

г. Минск, КУЛИКОВ

"Восхищаемся мужественным поступком, солидарны, с уважением Юрий, Наталия Старчиковы".

г. Моршанск, Тамбовской области Прокуратура СССР ИЛЮХИНУ

Узнал, что Вы возбудили уголовное дело против президента СССР Горбачева М.С. за измену Родине. Ваши действия совершенно правильные. И если спросить у народа нашей страны, то большинство скажет, что все правильно... Горбачев и другие руководители республики наплевали на мнение народа и все они должны понести наказание. Они развалили Союз и всю нашу экономику... Нет слов высказать Вам восхищение Вашим мужественным поступком... Масса людей высказывается так же, то есть подтверждает правильность Ваших действий".

г. Днепрпетровск, СЕРЕБРОВ

Резолюция митинга в Москве 7 ноября 1991 года (100 тысяч человек):

Мы, участники митинга в честь 74-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, требуем созыва чрезвычайного Съезда народных депутатов, немедленного освобождения Горбачева М.С. от обязанностей Президента СССР и судебного расследования его деятельности на этом посту, приведшей к развалу экономики страны и государства.

Мы поддерживаем действия государственного советника юстиции 2-го класса Виктора Илюхина, возбудившего уголовное дело в отношении Горбачева М.С., в действиях которого усматриваются признаки преступления, предусмотренного статьей 64 Уголовного Кодекса РСФСР (измена Родине) ".

Это мнение народа.

Когда мной было возбуждено уголовное дело в отношении президента СССР (ныне бывшего) Горбачева М.С. по ст. 64 УК РСФСР за измену Родине, то даже из моих оппонентов никто аргументированно не возразил по поводу правомерности и обоснованности предпринятых мной действий. Я получил много писем и телеграмм в поддержку, в том числе и от народных депутатов. Не умолкал телефон — поддерживали, одобряли, благодарили. Спасибо вам, мои друзья!

Со стороны же прессы, именующей себя демократической, ответом было разве что злобное шипение, да с экрана ТВ полетели ядовитые стрелы . . . Этим людей, обслуживающих верховную власть, не интересовала истина. Они увидели, что я, не принадлежа к их кругу, посмел "замахнуться" на Горбачева, чью разрушительную деятельность можно сравнить с беспощадной, опустошительной войной. Со мной мало кто спорил по существу. За отдельными публикациями и беседами в некоторых редакциях просматривались вопросы меркантильного, корыстного характера типа: зачем ему понадобилось это дело? Что он от него получил, сколько заработал?

Сразу скажу, что ничего не получил и ничего не заработал. А вот генеральские погоны пришлось снять, да и с юриспруденцией расстался, но, думаю, ненадолго. К тому же доставил массу переживаний и хлопот своим родственникам, особенно после каждой порции "грязи" в мой адрес либеральной и левоцентристской прессой. Например, "Рабочая трибуна" от 28.11.91г. опубликовала большой материал под названием "Упреждающий удар", обвиняя меня в карьеризме, в том, что за многие годы работы на следствии мной, якобы, загублены десятки людских судеб. Газета посчитала, что, возбуждая дело против президента, я хотел поставить под сомнение "курс на демократические преобразования, накалить страсти и реанимировать режим "железной руки".

Кое-кто попытался рассмотреть за моей спиной силы, подталкивающие меня выступить против Горбачева, а после моего перехода на работу в газету "Правда" объявить, что сейчас там "свили себе гнездо путчисты".

Напрасны эти потуги.

"Правда" предложила мне работу; кроме того, у меня издавна склонность к публицистике, не раз печатался, есть что и рассказать.

Отдельные клеветнические измышления я рассматриваю как сведение счетов, месть в ответ на мою критическую статью "Окольные пути", опубликованную 10.08.88 г. в "Литературной газете". В статье доказательно говорилось об облыжном, клеветническом обвинении газетой "Социалистическая индустрия" (ныне "Рабочая трибуна") некоторых прокуроров и следователей в получении взяток, злоупотреблении служебным положением.

Против моей статьи тогда газета не возразила, да и возражать-то было нечего. Однако уже через неделю целым десантом спецкоров "Социндустрии" на меня собирался "компромат" в Пензенской области, где я длительное время

работал следователем и на прокурорских должностях. Дело дошло до того, что работники судов, других организаций свое возмущение поведением корреспондентов выразили в письмах Генеральному прокурору СССР и редакции газеты, но письма так и не были опубликованы.

Установить то, чего не было, — что я пьяница, развратник, негодяй и т.п. — корреспондентам тогда не удалось; решили порыться в уголовных делах: вдруг, там что найдется.

За пятнадцать лет работы в области мне действительно приходилось арестовывать много преступников, не взирая на их должности, за что иногда попадало от бывшего партийного руководства. Конечно, в уголовных делах чаще всего две стороны: потерпевшие и обвиняемые. Недовольство следователем, прокурором всегда можно найти у тех или других. На это и был расчет.

Однако в 1988 г. газета с собранным "компроматом" выступить не решилась, слишком очевидной была месть. Материалы были опубликованы только 18.02.90 г.

После тщательной их проверки прокуратура СССР дала аргументированный ответ об отсутствии в моих действиях каких-либо злоупотреблений, нарушений законности.

Этот ответ опубликован не был.

В статье "Упреждающий удар" корреспондент с сожалением пишет, что перед уголовным процессом грузчик и президент равны. Само собой, не о грузчике печется газета и не о тех сотнях тысяч людей труда из числа некоренного населения, оставшихся совершенно бесправными в Прибалтике и Приднестровье, в Средней Азии и Закавказье. Газета не стала их защищать, а ведь зовется "Рабочей трибуной".

Что взять с грузчика, хотя он в процессе должен обладать такими же правами, как и все люди. Другое дело президент. Он, глядишь,

главного редактора в заграничную поездку возьмет, осыплет щедротами. Вот в этом и вся разгадка публикации "Упреждающий удар".

Отсутствие веских аргументов против возбуждения дела в отношении Горбачева заставило моих оппонентов прибегнуть к спекуляции на былой славе "народных героев" Гдляна и Иванова, поскольку я расследовал нарушения законности, допущенные в Узбекистане гдляновской группой. (Тут, в частности, подсутилась и "Комсомольская правда").

Кроме того, я возглавлял следственные группы в Закавказье, принимал участие в расследовании тбилисских событий 9 апреля и одновременно дела в отношении Гамсахурдиа. Организовывал следствие по убийствам мирных граждан в Дубоссарах в Молдавии, неоднократно бывал в Литве, Эстонии, — одним словом, почти во всех "горячих точках" страны. Совместно с работниками своего управления готовил ряд проектов Указов Президента СССР, внес массу предложений, поправок к проектам Законов СССР. Имею непосредственное отношение к расследованию преступлений военных нацистов; к сожалению, кое-где их деяния начали оправдывать. В моем ведении находился надзор за следствием в органах госбезопасности, деятельностью таможен, надзор за исполнением Закона о государственной границе.

Здесь-то кое-кому из падких на "компромат" журналистов вдруг да повезет и он чем-нибудь поживится . . .

Теперь о моей карьере.

Родился я в селе, мои родители простые люди, помогли мне окончить институт, а там карабкался сам. Все, что у меня есть, чего достиг — это плод моего труда и ума. Я всегда любил свою работу, не считался со временем, редко имел нормальные выходные дни, нормальный отпуск, более половины дней в году проводил в командировках. Трудностей не боялся и не боюсь. Работая в "горячих точках" страны, рисковал не только здоровьем, но и жизнью. Вместе с генеральскими звездами на погоны получил язву желудка.

Кто хочет повторить мою карьеру, — пожалуйста!

Что касается беззакония, допущенного в Узбекистане гдляновской группой, то я никогда не скрывал и не скрываю своего участия в расследовании нарушений законности. Я и подчиненные мне следователи не кривили душой, не шли на сделки с совестью. Расследование проведено объективно, в строгом соответствии с процессуальными требованиями.

Независимо от того, кто у власти — "белые" или "красные", "синие" или "зеленые" — я говорил и буду говорить: "В делах Гдляна есть большая правда, но есть и большая ложь, которая перечеркнула, растворила эту правду". В моем положении, с учетом общественного мнения, ради личного благополучия выгоднее было бы сфальшивить, сказать, что Гдлян чист, как стеклышко, и присоединиться к хору: "Да здравствует Гдлян!"

Прокричать подобное мне предлагали еще в 1989 году. За иудство, как минимум, обещали место в российском парламенте. Не согласился. Хотя на восхвалении Гдляна многие прилипали прокатились, как на вороних: кто в

народные депутаты, кто в парламенты, а кто и в ельцинские наместники. Все оказались при должностях. Мне этот путь неприемлем и лгать не могу. Человеком Гдляна я не был и не буду. Дифирамбов ему не пел, правда, ранее и не критиковал, пока воочию, сам не убедился в беззаконии, допущенном им и его группой.

Да, есть изъятые миллионы, есть справедливо осужденные из числа ответственных работников Узбекистана.

Но есть и другое.

За два последних года нашим следствием и судами, в том числе Верховным судом страны полностью реабилитировано и восстановлено в своих правах более 130 граждан, незаконно задержанных и арестованных по постановлениям Гдляна, Иванова и других следователей. Эти невиновные люди, а среди них много лиц преклонного, старческого возраста, многодетные матери, беременные женщины, просидели в тюремных камерах от нескольких месяцев до 2—3 и даже 7 лет. Материалы следствия в отношении многих из них гдляновские следователи, пытаясь укрыть беззаконие, выбросили из дел, пришлось их восстанавливать по крупицам.

Иззатова Ведадила суд приговорил к 13 годам, и он отсидел семь лет в колониях и изоляторах. Лишь после того, как мы установили подтасовку процессуальных документов, по нашей инициативе был принесен протест и приговор отменили. Невиновный человек вновь увидел свободу. Только ради одного Иззатова, ради того, чтобы он не сидел еще 6 лет за тюремной решеткой, стоило расследовать дело, трепать себе нервы, спорить, отстаивать правду и в конце концов нажить и недругов, и упреки.

И еще замечу: всю правду о Гдляне еще не сказали. Демократическая пресса настоящего Гдляна подменила образом Гдляна, а это две большие разницы. Оригинал далеко не схож с написанным портретом. Гдлян и Иванов сделали свое дело, помогли прийти к власти людям своего круга и сами сейчас подыскивают теплые места. Что касается народа, то они, как и многие из "Демроссии", забыли о нем. Забыли тогда, когда ему действительно плохо, когда его разуют и раздевают до последней нитки. Нет уже тех митингов, нет на них "пламенных" гдляновских речей, в которых было больше тумана и саморекламы. Народ снова обманули и предали. Далекое не все поняли, что там, в Узбекистане, была предпринята попытка возродить "бериевщину". Конечно, трудно понять это, когда живешь в Москве, в Зеленограде, за тысячи километров от тех мест, где глумились над людьми, избивали их на допросах, незаконно арестовывали и сажали в тюрьмы десятки невиновных людей. Понимание опасности "гдляновщины" неизбежно наступит у многих, как наступило оно, например, у того же Собчака. В своей книге "Хождение во власть" он пишет: "По самому строгому счету Гдлян и Иванов в новых социальных условиях продолжали действовать в традициях репрессивного аппарата 30-х годов". Это слова одного из сторонников и защитников Гдляна и Иванова.

ТРИ ЛИЦА ГОРБАЧЕВА

Теперь о причинах, которые заставили меня возбудить уголовное дело в отношении Горбачева. Они не носят личного характера, как некоторые хотели бы видеть. Мне не приходилось общаться с ним, я ему не был представлен, хотя мы один раз и обменялись рукопожатиями.

Было это зимой 1991 года. Горбачев приезжал в прокуратуру Союза ССР, участвовал в совещании прокурорских работников. За кулисами зала, где собрались все члены коллегии, и произошла эта короткая встреча.

Внешне он всегда оставлял о себе приятное впечатление своей мягкостью, интеллигентностью и общительностью. Хотя от других знаю, что у себя в служебном кабинете он частенько в разговорах употреблял резкие выражения, которых нет в толковых словарях.

Но о людях, и тем более о президенте, надо судить не по словам, а по делам.

И здесь, пожалуй, в Горбачеве уживаются как минимум три лица: Горбачев начала перестройки, Горбачев ее апогея и Горбачев реального распада Советского Союза.

Первый — действительно всколыхнул страну, мир, объявив курс на обновление, курс, который был положительно воспринят почти всеми.

Второй - после того, как огромные массы людей пришли в движение, вдруг обнаружил, что не знает, куда их вести, а может быть, не захотел или не мог. Время действий сменилось пустой говорильней, шараханием из стороны в сторону, топтанием на месте, распадом экономики и государственности.

Третий — оказавшись в состоянии депрессии и без всякой опоры в массах, полностью выпустил руль управления страной. Неимоверно быстро скатился вниз, к финалу своей карьеры, однако, и падая, продолжал разрушать некогда могучее государство.

При всех различиях во всех трех фигурах Горбачева всегда и везде присутствовал один — Ставропольский секретарь крайкома, привыкший ставить задачи, говорить с трибун долго и, чаще всего, нудно, но не контролировать исполнение намеченного и не добиваться конечного результата.

Горбачев забыл известную истину, что цель — ничто, если она не становится реальностью. Пустыми обещаниями о светлом будущем нельзя долго обманывать народ. Он не прощает обмана.

Трагедия политика Горбачева, склонного к постоянным компромиссам, безвольного и удивительно поддающегося влиянию извне, заключается в том, что он на седьмом году правления оказался ненужным ни правым, ни левым. Он потерял всякую поддержку в массах, и те отвергли его.

Предательство всегда осуждалось в народе.

О Горбачеве, как о политике, еще будут говорить, и мнения могут быть самые разные.

Запад, например, уже назвал его человеком конца 20 века. Немцы нарекли Горбачева "великим немцем", аналогично оценили его лидеры Америки

и Канады, Англии и Италии. Это их оценки. Но могут ли так назвать своего, пусть бывшего, но все-таки президента русские и армяне, украинцы и азербайджанцы, буряты и молдаване, татары и мордва? Нет, не могут. Слишком много бед и несчастий обрушилось на них в горбачевскую "эпоху". Ожидаемое обновление от перестройки обернулось для многих большой трагедией. Счет убитых и раненых в национальных стычках пошел на тысячи, количество беженцев, может быть, давно уже перевалило за миллион. Их никто не регистрирует. Общество стонет от территориальных и социальных противоречий. Рвутся веками сложившиеся связи между людьми, растет их массовое обнищание. Реальностью стала гражданская война в Закавказье. Вместо движения вперед страна отброшена далеко назад, на многие годы.

Так стоило ли начинать такую губительную перестройку, чтобы через несколько десятков лет только достичь уровня жизни 1984 года?

Не хочу мазать черной краской все последние семь лет. Были в них и светлые моменты, но они, увы, лишь "луч света в темном царстве". И сейчас нет уверенности, что мы идем в правильном направлении. Скорее всего для России оно закончится новым тупиком.

При всей убогости нашей жизни, гиперинфляции и массовом обнищании людей главное обвинение Горбачеву все-таки должно быть сформулировано в сфере национальной политики, за развал государственности.

Мы не раз переживали нищету и голод, разруху и экономическую отсталость. Уверен, переживем и на этот раз. Но мы можем все сгореть в пожаре гражданской войны, в дележе армии и территорий, в национальной обособленности.

Горбачев, начав "раскапывать старые могилы", забыл, что они дурно пахнут, и от этого зловония могут задохнуться окружающие. При его правлении весь Союз превратили в археологические раскопки. Правда, никто не подумал о том, где складывать находки, как потом проводить границы, делить территории и людей разных национальностей и вероисповеданий, давно перемешавшихся между собой.

Горбачев не заметил, как он постепенно, вкуче с националистами и постоянно потакая им, вырыл для всех нас огромную яму.

О МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ РОЗНИ

Под лозунгом исправления перегибов в национальном вопросе, допущенных Сталиным (они действительно были допущены), мы скатились в другую крайность. К сожалению, во главу угла поставили "национальность", а не "человека" и неукошительное обеспечение его прав и свобод, где бы он ни проживал, какой бы крови ни был, к какой бы конфессии не принадлежал. Словно во времена феодальной раздробленности, нас пытаются окончательно замкнуть в своих национальных квартирах, разделить людей на коренных и некоренных, лояльных и не лояльных. Людей заставляют менять гражданство и язык, убеждения и нравственность. При этом не перестают повторять слова о

дружбе между народами и республиками, теперь уже государствами. С трудом пытаюсь понять, как можно после этого дружить. Запереться от соседей, огородиться высоким частоколом, таможенными барьерами и дружить, так сказать, из-за забора. К сожалению, такая перспектива по душе национал-сепаратистам, которым удалось в ряде регионов путем обмана столкнуть на этот путь и население. Именно они в борьбе за политическую и личную власть умело разыграли очень тонкий, очень болезненный национальный вопрос. Именно на спекуляциях вокруг него они, именуя себя демократами, пришли к власти в Грузии и Армении, в Прибалтике и Молдавии, в других регионах. Это была цель и ради нее забыли о мире на земле, о благополучии народа, который, ввергнув в пучину междоусобиц, вновь предали.

Вспомните, как известные события вокруг Карабаха породили страшные трагедии Сумгаита. Не берусь судить, на чьей стороне правда, но человеческие жертвы должны были заставить лидеров карабахского движения задуматься над случившимся. Путь был явно тупиковый и с учетом многих факторов не мог принести ничего, кроме новых жертв. В Армении и за ее пределами сумгаитские события обсуждали долго, но стратегию не изменили. Более того, 1 декабря 1989 года Верховный Совет АрССР принял неконституционное решение о присоединении НКАО к Армении. И как ответная реакция, буквально через месяц в Баку и других местах начались массовые погромы и выселения армян.

Те, кто стоял у истоков и возглавил карабахское движение, кто принимал непродуманные, недальновидные решения, как жили, так и живут. С их головы не упал ни один волос, у них дом, семья, хороший стол и мягкая постель. А сотни тысяч армян, чаще всего простых честных тружеников, превратились в изгоев, кочующих по стране, униженных и оскорбленных, порой не имеющих крыши над головой и куска хлеба. Многие из них с осуждением и неодобрительно отзываются о политике своих соотечественников. Другие так и не понимают, откуда и за что же такие бедствия.

Национальные распри, как цепная реакция, покатались по Союзу с карабахских событий.

Прими тогда Горбачев вместе со своим политическим окружением твердое решение по НКАО, потуши в самом зародыше начинавшийся пожар, уверен, удалось бы избежать распада страны в целом, гибели сотен, тысяч ни в чем не повинных людей.

А потушить можно было.

Я хорошо знаю и помню события в Закавказье, ибо длительное время возглавлял там следственные группы по расследованию преступлений, совершенных на почве межнациональной розни. Общался с сотнями беженцев как из Армении, так и Азербайджана. Видел глаза детей, наполненные ужасом и страхом. Знаю, как они вместе со взрослыми уходили из родных мест разутые и раздетые по перевалам, по снегу, звериными тропами, а в них стреляли и стреляли, как на дикой охоте. Нельзя без содрогания в сердце видеть и слышать об этих трагедиях. Так называемые горбачевские переживания в Фосе в сравнение не идут с болью и страданиями многих людей, живущих в Закавказье.

Горбачев не только не пресек территориальные претензии, но фактически потакал сепаратистам. Он с почестями отправил на пенсию с содержанием в 400 рублей (тогда это были деньги) одного из лидеров карабахского движения, первого секретаря обкома НКАО Г. Погосяна, предложил ему квартиру в Москве. А ведь Погосян вместе с бюро обкома был инициатором принятия антиуставного решения о выводе областной партийной организации Карабаха из состава компартии Азербайджана. Решение носило явно провокационный характер и несомненно сыграло роль детонатора.

Будучи в Азербайджане, мы, работники правоохранительных органов Союза, с удивлением и глубокой тревогой восприняли решение Президиума Верховного Совета СССР о введении в январе 1989 года в НКАО особой формы управления. Решение было заведомо ошибочным, удобным для армянских сепаратистов и усугубляющим ситуацию. У его истоков опять стоял Горбачев. Известны и советчики из числа московских аппаратчиков. Почему-то их слушали, но не нашли возможности послушать нас, выяснить наше мнение по той проблеме, которую мы могли подробно и объективно осветить. Особая форма управления лишь усугубила ситуацию, а искусственно созданный карабахский конфликт сделала еще более неразрешимым.

В то время из политического руководства страны лишь один Лигачев твердо и однозначно заявил, что Карабах был и должен остаться неотъемлемой частью Азербайджана. Но его позицию в Политбюро партии и в Верховном Совете утопили в пустых рассуждениях и ничего не значащих решениях.

Горбачев ушел в сторону, а самые тяжелые камни со стороны армянской диаспоры полетели в Лигачева. Не сдержался и Гдлян, пытаясь скомпрометировать его ложными, натасканными обвинениями в получении взяток.

Горбачев ушел и от разрешения противоречий, возникших между Грузией и Южной Осетией. Спокойно и безучастно наблюдал, как два народа истребляют друг друга.

Настоятельные предложения бывших КГБ, МВД и прокуратуры Союза ССР о силовом разоружении вооруженных формирований в Закавказье не находили поддержки. Мы были убеждены, что разоружать надо. Если бы тогда, в 1989 году, в этом вопросе руководство страны проявило твердость, возможно, удалось бы избежать гражданской войны в Закавказье.

События в Закавказье неоднократно обсуждались на коллегии союзной прокуратуры и межведомственных координационных совещаниях правоохранительных органов и Министерства обороны.

Президент страны нами подробно информировался. Ему направлялись программы мер, в том числе проекты законодательных актов о введении уголовной ответственности за создание, организацию и руководство вооруженных формирований, не предусмотренных союзными законами. Однако многие предложения не находили поддержки. Наверху опасались, что

насильственное разоружение, с использованием воинских формирований будет сопряжено с кровью. Это действительно так, ее не удалось бы избежать. Но была бы пролита кровь самих бандитов, виновных лиц. Сейчас же чаще всего бандиты проливают кровь невинных людей, женщин и детей.

В начале ноября 1990 года мне пришлось организовывать следствие по факту убийства кишиневской милицией трех обезоруженных жителей г. Дубоссары в Молдавии. Много приходилось общаться с людьми из Приднестровья, поэтому могу утверждать, что они не могут назвать Горбачева своим президентом. Наоборот, я слышал от них горькие слова упреков и отчаяния, их заявления о том, что Горбачев не только не защитил, не только не помог развязать тугой узел противоречий, а предал их. Как предал сотни тысяч людей некоренной национальности в Прибалтике, но об этом разговор особый.

Думаю, для России не останется бесследным и "заигрывание" Горбачева с автономиями. В противостоянии с Ельциным, пытаясь ослабить его позиции, он пошел на то, чтобы автономии также участвовали в обсуждении и подписании Союзного Договора как равноправные субъекты Федерации. Думаю, в дальнейшем этот шаг скажется на единстве России, может явиться катализатором ее распада на самостоятельные государства.

РОКОВОЙ ШАГ ГОРБАЧЕВА

Я уверен, что Горбачев сделал роковой для страны шаг, пойдя на обсуждение и подготовку нового Союзного Договора, который использовали как ширму для развала всей государственности. Конечно, так поступил не только он один, но и некоторые другие республиканские лидеры.

Все дело в том, что за время перестройки у нас в обществе набрали силу те, кто однозначно заявил об ошибочности выбора, сделанного в 1917 году. Поэтому они начали и интенсивно продолжают процесс демонтажа прежней системы и замены ее на старые капиталистические отношения. Те, кто организовали и возглавили этот процесс, хорошо поняли, что покончить с ранее закрепленным в конституциях страны и республик общественным строем сразу, во всем Союзе, неимоверно сложно и, может быть, невозможно. Поэтому Союз решили расчленить на части и реставрировать капитализм отдельно в каждой республике. Реставрация неизбежно приобрела формы контрреволюции или революции, кто как считает, и неизбежно породила и породит еще неисчислимые жертвы и потери во всем.

Союз затрещал по всем швам, разрушительные процессы перекинулись на республики, в том числе на Россию. На Западе частенько раздаются голоса о стирании вообще с карты мира российского государства. Мысль об отказе от союзного договора 1922 года мне все больше и больше напоминает "тroyанского коня", с помощью которого, так сказать, начались деструктивные процессы.

Не случайно в то же время три Прибалтийские республики потребовали предоставления им экономической самостоятельности. Оттуда послышались и первые голоса о новом договоре. В Прибалтике хорошо понимали, что разрушение единого государства, независимо от того, под какими благовидными формами оно произойдет, даст Латвии, Литве и Эстонии возможность без проведения всенародного референдума выйти из Союза. Воссоздать же СССР как единое государство вряд ли удастся. Ибо любые усилия, направленные на это, всегда можно загнать в угол, утопить в различных согласованиях, проволочках, несовпадениях позиций, что и наблюдаем. Идею о новом договоре подхватили, обосновали теоретически и довели до абсурда, до отказа от Союза вообще.

В Харькове на съезде демократических партий, состоявшемся накануне Всесоюзного референдума о будущем нашего государства, однозначно решили: "нет референдуму", "нет Союзу". Против референдума и Союза в то время выступили Ельцин Б., Собчак А., Попов Г., Станкевич С. и другие лидеры демократических течений. Правда, поняв непопулярность своей позиции среди широких слоев населения, они скорректировали ее и выступили против старого Союза, за его разрушение и построение нового. Но здесь, как представляется, было больше борьбы за власть, стремления разрушить Центр, чем заботы о сохранении страны. Во что это вылилось — убеждаемся каждый день, глядя на пустые полки магазинов, остановку предприятий, длинные колонны иммигрантов внутри страны.

В той же России ее лидеры, парламентарии на словах почти все ратовали за Союз. На деле же предпринимали такие шаги, которые несомненно разрушили единое государство. Об этом могут, например, свидетельствовать заявления о создании российской армии, о ликвидации союзных банковской и финансовой систем и т.д. В этом за Россией последовали и другие республики. Теперь уже отброшены все варианты договоров и даже конфедерации. Хотя народ на референдуме о судьбе страны большинством голосов сказал: "Да Союзу!", демократические лидеры проигнорировали его волю, исходя в политике из своих личных амбиций, групповых, партийных интересов. Не пора ли за это с них строго спросить? Уж кому-кому, а им-то должно быть известно, к каким человеческим трагедиям уже привел распад Союза. И это после того, как из основания некогда мощного здания были вынуты только первые кирпичики, первые скрепляющие Союз стержни. Что же будет дальше?

Сама концепция отказа от договора 1922 года не вызвана необходимостью и является юридически несостоятельной.

Как известно, создание СССР провозглашено 30 декабря 1922 года в составе РСФСР, УССР, БССР и Закавказской республики, в последующем к нему присоединились другие республики. На базе соглашений об образовании Союза и вхождения в него были приняты конституции СССР 1924, 36 и 77 годов, а также республиканские конституции.

Союз был скреплен юридически, и самое главное, он существовал и пока существует в политических, экономических, научных, технических и просто человеческих связях. Для большинства людей он стал необходимостью, жизненным пространством. Правда, оппоненты заявляют, что старый Союз ряд республик не устраивал; возникло много споров, разногласий, в том числе по причине засилья в нем Центра.

Конечно, нельзя отрицать нынешних серьезных противоречий. Однако еще и еще раз необходимо было все трезво оценить и взвесить.

Во-первых, нельзя путать волю народа с волей политических деятелей. Только народ, нации, а не парламенты и президенты имеют право на самоопределение. Что касается воли большинства граждан, то она твердо высказана, люди хотят жить в едином Союзе.

Во-вторых, если возникла необходимость обновить Союз, перераспределить полномочия между "центром" и республиками, то это необходимо было сделать путем внесения изменений в конституции, разработки и принятия других законов. Если же кого-то Союз не устраивал, то из него можно было выйти, но опять в соответствии с конституциями и иными нормативными актами, через референдумы в республиках. Правовая база для этого создана. Сами же референдумы по вопросу проживания в Союзе недопустимо подменять голосованием за независимость: это несопоставимые понятия. Республики по конституции независимы, но могут на равных проживать в Союзе. Недопустимо результаты голосования за независимость в Прибалтике, на Украине, в других республиках истолковывать как желание народов жить вне его.

Названный порядок разрешения противоречий, споров является правовым и цивилизованным. Он позволил бы сохранить незыблемость существующих территорий республик и страны, наших внутренних и внешних границ. Позволил бы разумно решить вопрос об армии, денежной системе, едином экономическом и правовом пространстве.

Одним словом, проводя радикальные реформы в государственном устройстве, мы всегда бы оставались на твердой почве. И неплохо бы еще раз всем нам заглянуть в материалы, закрепляющие образование нашего Союза в двадцатых годах. Записанные в них положения по своей значимости и смыслу были и пока остаются прогрессивными, юридически выверенными и точными. Есть чему и поучиться. Сам же Договор 1922 года не предусматривает процедуры подписания нового Договора или его денонсации. Возможны лишь два варианта: уточнение, изменение отдельных его положений или выход из Союза конкретной республики.

Если же для нас нет ничего святого в прошлом, то будет ли свято то, что совершаем сегодня?

И здесь естественно возникает весьма закономерный вопрос. Мог ли Горбачев, имея, конечно, желание и волю, не допустить развала Союза? По моему мнению, ответ должен быть только утвердительный. Да, мог.

Идеи единого союзного государства были сильны в Верховном Совете СССР, а также у съезда народных депутатов страны.

За Горбачевым оставались еще армия и правоохранные органы. И самое главное — "Союз" нашел большую поддержку на референдуме в марте 1991 года. Что еще надо для лидера? Только желание сохранить страну. Желание и волю, волю и конкретность в действиях.

Однако сейчас все больше и больше убеждаешься, что этого стремления у Горбачева не было. Были пустые, длинные слова, топтание на месте. В результате союзная государственность вопреки мнению большинства народа оказалась разваленной.

КАК ПЕРЕВЕРТЫШИ СОЮЗ РАЗВАЛИВАЛИ

Разваливать начали с хорошо организованной и глубоко продуманной кампании дискредитации опять-таки армии, КГБ, прокуратуры.

МВД разложить не представляло большой сложности. Достаточно было поставить во главе этого ведомства "демократа" — дилетанта Бакатина В., и цель достигалась без особых усилий.

С другими оказалось сложнее. Армию разлагали, травили, унижали и оскорбляли со всех сторон и по любому поводу, начиная с тбилисских событий и кончая спекуляциями вокруг, в общем-то, здорового движения солдатских матерей. В тбилисских трагедиях оставил свой след и Собчак. Сколько гнева, сколько молний обрушил Собчак на командование Закавказского военного округа, на Министерство обороны страны фактически за то, что тогда, 9 апреля 1989 г., благодаря использованию солдат удалось предотвратить страшную бойню. Тогда остановили большую беду, потом не смогли, армия вынуждена была занять нейтралитет.

Нападки на прокуратуру сопровождались сменой ее руководителя. За три года в кресле генерального прокурора побывали три лица. Остановились на Трубине Н., человеке беспринципном и податливым, который, в общем-то, и подписал акт о капитуляции прокуратуры.

Органы государственной безопасности с помощью того же Бака- тина почти свели на нет. КГБ расчленили, раскрыли методы разведывательной и контрразведывательной деятельности. Из страны хлынул поток утечки стратегической, государственной информации.

Не зная о нападках на армию, правоохранные органы Горбачев не мог. Мы об этом ему частенько докладывали. Однако он фактически ничего не сделал для предотвращения развала государственных структур. Он не просто бездействовал. Он предавал своих бывших друзей, единомышленников, которых еще совсем недавно уверял в своей дружбе и верности. Предал коммунистов в ГДР и Чехословакии, в Польше и Монголии, в Прибалтике и Грузии, в Армении и России. Он предал целиком всю партию. Предал Рубикса, Хонеккера, предал рижский ОМОН, прокурорских работников в Литве и Латвии,

до конца оставшихся верными Союзу и законности. Такого предательства мир еще не знал.

Горбачев предавал постоянно, лишь бы усидеть самому в кресле президента. Предавал, чтобы на других свалить всю ответственность за свои же собственные просчеты, ошибки и умышленные действия.

Будучи предателем по своей натуре, он сколотил себе и такое же окружение из таких же перевертышей: Яковлева А.Н., Собчака А., Попова Г., Бакатина В., Шеварднадзе Э. и других.

Эти люди известны у нас в стране своим лицемерием, лживостью проповедуемых идей.

Черная тень перевертыша Яковлева многие годы нависала над партией коммунистов. Этот "черный кардинал" разрушал ее изнутри.

Перевертыши Собчак и Попов ученые степени и звания заработали, осваивая азы марксистско-ленинского учения о праве и экономике. В конце 80-х годов они уже ярые поборники капитализма.

Перевертыш Бакатин В. — бывший партийный функционер, бывший главный милиционер страны, затем главный контрразведчик и разведчик. Меня в нем всегда поражали апломб, готовность "работать" везде, куда пошлют партия и страна. По моему мнению, он человек малокомпетентный и давно занимается не своим делом, хотя сам он иного мнения. Нисколько не удивлюсь, если он вдруг станет работать министром здравоохранения. "Смог" бы и там, ибо свою некомпетентность умело маскирует напористыми речами и постоянными "реконструкциями" вверенных ему ведомств. Неважно, что они вредны, опасны, разрушительны, важно прослыть этаким реформатором, готовым всегда поддержать своего патрона, президента.

Бакатин прослыл "каменщиком" перестройки, а на деле он — разрушитель государственности как союзной, так и российской. Не сопротивляясь, даже охотно, отдал министерства внутренних дел в Прибалтийских республиках, выкопал могильную яму органам государственной безопасности страны и республик. Последнее его достижение связано с рассекречиванием схем и технических средств, используемых нашей разведкой и контрразведкой. Шаг, настолько ошеломляющий то ли своей глупостью, то ли утонченной хитростью разведчика, что его не поняли не только в бывшем Союзе, но и за рубежом. Американцы прямо заявили, что на ответные подобные действия они не пойдут. После этого остается только удивляться. Оказывается, чтобы прослыть "героем", надо обязательно совершить предательство. Ведь речь идет не просто о схемах прослушивания, а о рассекречивании самих технических средств, уникальных по своим инженерным, конструкторским решениям, над которыми длительные годы работали целые отрасли, НИИ, лучшие умы отечественной науки. И теперь все это одним махом разрушено.

Шеварднадзе Э.А. — на мой взгляд, перевертыш, каких свет еще не видел. Популярность и признание получил будучи партийным функционером, распевая хвалебные оды Брежневу Л.И., социализму, Октябрю, торжеству идей

коммунизма. Теперь он — "великий" демократ, либерал, ярый враг марксизма-ленинизма, а кто же он на самом деле, самому Богу неизвестно. Грузия его давно не воспринимает, в Россию, выражаясь языком поэта, он рванул "на ловлю счастья и чинов".

Из нее давно бы тоже бежал, но, увы, в своем маленьком отечестве ему не очень-то рады. Прослыл "законником" и борцом с коррупцией в Грузии, но, по мнению тех, кто там его знает, "борьбу" со взяточничеством вел только тогда, когда надо было обезопасить свой клан, убрать неугодных для себя и своего окружения людей.

Последние его достижения на дипломатической стезе — разорительные для России соглашения, заключенные с США, по акватории Беренгова моря, а также губительный для нас договор по срокам вывода советских войск из Германии.

Сейчас эти и другие перевертыши много твердят о крахе социализма в Союзе, о несостоятельности самой социалистической идеи. Конечно, за годы перестройки социалистический уклад жизни так раскачали, так опошлили, что у людей действительно появились сомнения и разочарования в нем. Но ведь за семь лет разрушений можно вызвать отторжение у людей любой идеи, любого строя. Социализм семь лет не строили, его семь лет уничтожали и делали это весьма искусно.

А потом, будем откровенны, мог ли социализм торжествовать, процветать и успешно шагать дальше, когда организаторами и руководителями его "построения" в стране на протяжении десятков лет были откровенные и скрытые его враги типа Горбачева, Ельцина, Шеварднадзе, Яковлева и других? Конечно, не мог.

В то же время мы хорошо помним возможности и достижения социализма. Что бы ни говорили, а страна была второй в мире. Имела самые надежные гарантии социальных прав людей. Шагала вперед так, что на Западе возникали чувства глубокой обеспокоенности, растерянности и определенного смятения.

Идеи социализма предали люди, еще недавно называвшие себя верными учениками Ленина, а сегодня готовые тело самого вождя выбросить на свалку, надругаться над ним. И все это они называют прозрением. Прозрение ли? Не слишком ли поздно оно наступило, в 60 и более лет? Скорее всего, это цинизм и бессовестность.

Глубоко убежден, что и нынешнюю демократию они в душе презирают, ненавидят и также предадут ее. Для них главное — власть, и ради нее они будут предавать всех и вся: идеи и партии, недавних друзей и соратников, народы и мир на земле.

Вот почему мы должны освободиться от бессовестных и лживых вождей, от людей, которые ради личной власти пойдут на любую подлость, что они демонстрировали уже много раз. Вспомните хотя бы так называемое "противостояние" Горбачева и Ельцина. Больше чем грязным его не назовешь, ибо все свелось к борьбе за превосходство, а чередовалась борьба горячими

лобызаниями друг друга. К каким только нечистоплотным методам в ней не прибегали, собирая грязь и "компру" друг на друга! Временно заключали перемирие, когда садились есть большой "пирог" власти, и снова "пихались" и дрались, если один из них чувствовал, что ему меньше досталось, а другой больше отхватил.

По себе подбирали и окружение. Среди нынешних вождей демократии затесались Гдлян и Иванов. Их фамилии часто упоминались и упоминаются вместе с фамилиями Ельцина, Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе и другими. Они в одной кучке на митингах и собраниях межрегиональной группы, съездах "Демроссии", среди защитников Белого дома и на похоронах "жертв" так называемого путча.

Но мало кто знает, что Гдлян и Иванов пытались ранее эту "могучую кучку" повязать обвинениями в получении взяток.

В ходе расследования дела о нарушениях законности, допущенных в Узбекистане гдляновской группой, нам неоднократно приходилось слышать об этом.

Любопытные показания дала содержавшаяся под стражей Абдуллаева Р. Она рассказала, что Гдлян и Иванов постоянно хвастали о наличии у них материалов в отношении "Кремлевской мафии". Они выстроили пирамиду от Узбекистана до Москвы. На одном из допросов Иванов заявил: "... Мы должны закончить эту пирамиду вашими людьми по идеологии, т.е. Яковлевым и Разумовским". Я это предложение не поддержала, заявив, что никогда не была у них в кабинете. Спустя какое-то время Иванов мне предложил давать показания на Ельцина, о том, что во время его пребывания в Узбекистане Ельцин получил в подарок или как взятку дорогой ковер стоимостью более четырех тысяч рублей. Я тогда сказала, что не знаю такого факта. Далее, когда Ельцин начал набирать очки в избирательной компании, Гдлян и Иванов переориентировались и стали собирать показания на Лигачева, т.е., как я поняла, они разыграли "ельцинскую козырную карту". Ревеко по этому поводу мне на допросе сказал, что больше всех голосов на выборах в Москве набрали Ельцин и Гдлян, и что Гдлян подписал письмо в ЦК в защиту Ельцина".

Много внимания уделили Гдлян и Иванов в ходе следствия и Горбачеву.

Рахимов С. рассказал, что "Гдлян долго уговаривал меня дать показания на Горбачева.. ."

Бывший начальник УВД Навоийского облисполкома Хаитов заявил, что и у него просили дать показания на высшее руководство страны и партии. Гдлян прямо заявлял: "... захочу, Горбачева арестую" - и труда большого не составит.

ГОРБАЧЕВ И ВЗЯТОЧНИКИ

Думаю, что Гдлян все-таки располагал показаниями о получении взяток Горбачевым в его бытность секретарем Ставропольского крайкома. Поэтому на

многих митингах, встречах с избирателями и журналистами он, не стесняясь, говорил о необходимости возбуждения уголовного дела в отношении президента СССР. Однако все эти заявления усиленно распространялись тогда, когда еще продолжалось противостояние Горбачева с Ельциным. Как только противостояние перешло в союз, а Горбачев стал просто "подпевать" Ельцину, Гдлян прекратил свои разговоры.

Не исключено и то, что Горбачева, дабы он был более сговорчив, ознакомили с некоторыми изобличающими его показаниями.

Однако я сейчас не берусь судить об их достоверности.

У Гдляна ложь и правда настолько перемешаны, что трудно было разобраться в них, отделить друг от друга. Пусть все это останется на его совести.

Мне же при изучении ряда уголовных дел бросилось в глаза другое. Возможно, я и ошибаюсь, но нередко жизненные дороги Горбачева пересекались с дорогами лиц, которые в последующем оказались привлеченными за взяточничество или иные корыстные преступления. Это было не просто пересечение дорог. Это было общение тех людей, из которых один стал президентом СССР, а другие сели на скамью подсудимых.

Чтобы не быть голословным, сошлюсь на протокол допроса бывшего следователя прокуратуры Сашина Ю.Д. Он в 1983—84 гг. принимал участие в расследовании дела в отношении Лобжанидзе Н.П., занимавшего руководящую должность в общепите Северного Кавказа, осужденного в марте 1985 года за взяточничество и злоупотребления служебным положением Гагаринским райнарсудом г. Москвы к 9 годам лишения свободы. Следствие в то время проводила прокуратура Союза ССР.

Вот что рассказал Сашин Ю.: "Лобжанидзе Н.П. во время официальных допросов и неофициальных бесед с ним постоянно внушал мысль о том, что он является "абсолютно чистым", "законопослушным" и т.п. человеком и заявлял, что подтвердить это могут многие уважаемые и известные в стране лица. Я не очень сейчас помню, назывались ли эти "уважаемые и известные стране лица" пофамильно, либо он о них речь вел, лишь указывая на их конкретные должности, но могу твердо заявить, я запомнил, что он вел речь о М.С. Горбачеве и Мураховском. Более того, Лобжанидзе Н. многократно уговаривал меня предоставить ему возможность обратиться к этим лицам с письмом, и они, получив такое письмо, мол, немедленно примут меры к его освобождению..."

С его слов я понял, что он, будучи руководителем системы общественного питания на Северном Кавказе, много лет организовывал питание этих и сопровождающих их лиц во время их поездок по краю. С его слов получалось, что эта его многолетняя работа была ими замечена, он был им представлен лично, и с тех пор они постоянно с ним лично контактировали".

Ну что ж, застольями Ставропольский край всегда славился. Славился он умением за счет государственной казны хорошо встречать, ублажать и

проводить высоких московских гостей. Не поэтому ли многие ставропольские лидеры потом становились у руля государства и партии?

Считаю необходимым рассказать и еще об одном маленьком эпизоде из жизни Горбачева, но только словами Мирзабаева Гани, бывшего председателя Бухарского облпотребсоюза. В 1984 году он попал в поле зрения следователей прокуратуры Союза ССР. На него было несколько заявлений и показаний о получении и передаче им взяток, совершении других корыстных преступлений. Началась их отработка следственным путем. До этого Мирзабаев уже привлекался к судебной ответственности.

Вот что он нам рассказал о событиях, имевших место в 70— 80 годах.

После его ареста у него в доме летом 1984 года был произведен обыск. "Во время обыска дома, — сообщил Мирзабаев, — у меня нашли две фотографии, где я был сфотографирован вместе с М.С.Горбачевым, когда находился на отдыхе в г. Кисловодске. Я отдыхал в санатории Центросоюза "Кисловодский", а рядом находился санаторий "Красные камни", где отдыхал Горбачев М.С. Я был знаком с председателем Ставропольского крайпотребсоюза Богомазовым Василием Тихоновичем. Мы познакомились еще в 1965 или 1966 г. на совещании каком-то в Москве и с тех пор держали связь, встречались с ним. И на этот раз в 1976 году, когда Горбачев работал первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС, я встретился с Богомазовым. Я знал, что он дядя Горбачева. Богомазов пригласил меня в санаторий к Горбачеву. Естественно, я взял все необходимое для приготовления плова и пришел туда. Там мы приготовили плов, посидели. Никаких подарков дорогостоящих не было. Никаких просьб с моей стороны к нему не было. Если бы даже я дал какой подарок, то никакой связи с Горбачевым по работе не было. Второй раз я встал с Горбачевым в 1978 году. Точно такие же обстоятельства."

Вряд ли есть необходимость комментировать показания Мирзабаева. Фотографии действительно подтверждали его общение с Горбачевым и нахождение того в великолепном созвездии двух больших руководителей торговли.

Правда, следует добавить то, что Мирзабаев будет осужден потом за взяточничество к шести годам лишения свободы и проведет их в местах изоляции.

Думаю, хватит о неразборчивых связях Горбачева со взяточниками, характеризующих его далеко не с лучшей стороны. Откровенно скажу, что они постоянно всплывают в моей памяти. Они особенно зримо присутствовали в моем сознании тогда, когда я решал вопрос и готовил постановление о возбуждении уголовного дела в отношении Горбачева за измену Родине. Видимо, какая-то закономерность есть.

В 1989 году, после назначения на должность начальника управления по надзору за исполнением законов о государственной безопасности, я получил

доступ к обширной информации о событиях в Союзе, в том числе и закрытого характера.

Сфера деятельности управления была широкой. В нем концентрировались вопросы надзора за следствием и дознанием в органах государственной безопасности, надзор за исполнением таможенного законодательства, а также закона о государственной границе. Целый отдел занимался реабилитацией жертв репрессии 30—50-х годов.

Кроме этого, мы продолжали расследовать злодеяния, совершенные немецкими нацистскими преступниками, а также предателями Родины в годы Второй мировой войны. Имели широкие контакты с отделами специальных расследований других государств.

В нашем же управлении концентрировались материалы, касающиеся нарушения прав человека по национальному признаку, велся учет и анализ правонарушений, совершаемых на почве межнациональных распрей.

Начиная с 1989 года в управление усиленно стали поступать обращения граждан некоренной национальности, а также военнослужащих из Прибалтики. В них сообщалось о грубых нарушениях жилищных, трудовых прав. Такие обращения участились после принятия в 1990 году Литвой, Латвией и Эстонией Деклараций о независимости, которыми приостанавливалось на их территории действие союзных законов. Вновь принятые законодательные, иные правовые акты республик носили явно дискриминационный характер.

Некоренному населению фактически отказали в гражданстве, их признали людьми второго сорта. Последовали ограничения их прав в политической сфере. В Латвии, например, 3 декабря 1990 года приняли закон, запрещающий военнослужащим выдвигать своих кандидатов в Советы народных депутатов на собраниях в воинских частях и создавать там избирательные комиссии.

Совет народных депутатов Видземского предместья Риги 16 ноября 1990 года принял решение о досрочном прекращении полномочий четверых депутатов военнослужащих. Жителям некоренной национальности стали отказывать в прописке, препятствовали устройству детей в школы и детские сады из-за незнания языка, отказывали в продаже продуктов, товаров.

В Таллинне установили ценз оседлости в 25 лет постоянного проживания для получения квартиры, постановки на очередь на жилье, на прием в жилищно-строительные кооперативы. Многих лишили прописки.

Представителей некоренного населения постепенно стали вытеснять с руководящих должностей, выгонять с работы — из министерств и ведомств, предприятий и фабрик. По сути дела сотни тысяч людей оказались изгоями, лицами без гражданства и Родины.

О их тяжелом положении Горбачев прекрасно знал, ибо постоянно информировался нами, комитетом государственной безопасности. Работники прокуратуры неоднократно выезжали в Прибалтийские республики вместе с народными депутатами СССР для проверки конкретных обращений граждан. Об этих поездках и неутешительных выводах проверяющих также докладывалось

Верховному Совету СССР и Горбачеву. Однако никаких существенных мер для реального улучшения положения некоренного населения и военнослужащих не принималось. Наоборот, постепенно все было отдано на откуп националистам, и те подавили всякое сопротивление, которое оказывали производу русскоязычные люди и рыцари чести и совести из числа коренных жителей.

Наступлению на права граждан предшествовали открытые атаки на советскую власть, реставрация свергнутых в 1940 году буржуазных режимов. Для этого умело манипулировали имевшимися в прошлом сталинскими репрессиями невинных людей. Искажали основополагающие принципы социализма. Экстремисты умело разжигали националистические настроения и готовили почву для тихого государственного переворота.

Так называемые народные фронты, саюдисты, комитеты за освобождение и прочие сумели полностью взять под свой контроль средства массовой информации и через них обрушить на народ поток грязи и антисоветской истерии. Успехи советского народа либо замалчивались, либо преподносились искаженно. Зато буржуазный режим всячески приукрашивался и преподносился как эталон демократии. Однако этот "эталон" во многом держался на военном положении и репрессиях инакомыслящих в буржуазных республиках Прибалтики.

В Эстонии, например, за годы буржуазной демократии, по некоторым данным, в военных трибуналах состоялось 959 политических процессов. Осуждено около 2 тысяч коммунистов; каждый четвертый приговорен к смертной казни, многие — к пожизненной каторге. Аналогичные, если точнее, более крупные процессы проходили в Латвии и Литве. Ныне к ним там снова возвращаются, с их помощью правители хотят усидеть у власти.

А вот еще страшные цифры. За годы немецкой оккупации в Эстонии казнили свыше 125 тысяч человек, из них 64 тысячи советских военнопленных. После войны от бандитских пуль и ножей там же погибли 300 советских работников — 52 работника госбезопасности и органов внутренних дел, 47 военнослужащих и 497 членов семей советских активистов. Эти факты бандитизма имели еще больший размах в двух других Прибалтийских республиках. Сейчас их пытаются вычеркнуть из истории и отравить сознание людей дезинформацией.

Анτισоветскую, антисоциалистическую кампанию поставили на широкую основу, в нее включились на государственном, правительственном уровне. В руководстве компартий республик, в законодательных и исполнительных структурах вызревало откровенное предательство не только союзных идей, но и интересов собственного народа.

О событиях, происходящих в Прибалтике, Горбачев информировался подробно. Однако вместо принятия решений шло заигрывание с сепаратистами. Более того, эмиссаром в Прибалтику им был направлен Яковлев А., человек, который как я полагаю, никогда не был поборником союзной государственности, да и российской тоже. Известны его доклады по возвращении из поездок, суть

которых в том, что в Прибалтике идут нормальные здоровые процессы и ни о каком выходе из Союза никто не ведет там серьезных разговоров. Его дезинформация в конечном итоге обернулась нарушением границы, территорий, забвением прав и свобод сотен тысяч проживающих там людей.

Здесь я бы хотел прервать описание событий в Прибалтике, хотя со второй половины 1990 года к нам все чаще стала поступать тревожная информация. Там участились нападения на военнослужащих, начали создаваться свои вооруженные формирования, запрещенные союзным законодательством.

Достоянием органов государственной безопасности, их офицеров, до конца оставшихся верными присяге, стали подготовленные националистами списки лиц, подлежащих в случае возникшей необходимости обезвреживанию, вплоть до физического уничтожения вместе с семьями. Одним словом, ситуация накалялась все больше и больше.

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ ПУТЧЕ

Августовские события застали меня в Пензе, где я гостил со своей семьей у родителей. Престарелая мать жены находилась в больнице, поэтому весь отпуск мы решили провести рядом с ней. 19 августа мы с женой проснулись от резкого звонка.

Открыли дверь — на пороге стояла взволнованная, но радостная соседка. Она залпом сообщила, что по радио передали об отставке Горбачева, создан комитет по управлению страной.

В 8 часов утра мы слушали радио, однако из тех информационных сообщений сложно было понять, что же все-таки произошло. Ясности не внесли и последующие сообщения.

Позвонил в Прокуратуру СССР, там тоже, кажется, было больше неведения и растерянности. Генеральный прокурор отсутствовал, его обязанности исполнял первый заместитель Генерального Васильев А.Д.

В Пензе обстановка оставалась спокойной, никаких чрезвычайных мер не вводилось. Город жил обычной жизнью. Те люди, с которыми приходилось общаться или наблюдать их в магазинах, в общественном транспорте, конечно, оживленно обсуждали произошедшее событие. Я редко когда слышал осуждение "путчистов", может быть, потому, что люди в своем большинстве с одобрением восприняли отстранение от власти Горбачева. В народе он стал фигурой нарицательной, давно потерявшей уважение и популярность.

Мне запомнилось несколько эпизодов из жизни полумиллионного города. 19 августа пензенское отделение "Демроссии" объявило о проведении митинга в защиту Ельцина и Горбачева и с целью осуждения путча. Однако вечером в назначенное время на центральной площади собралась небольшая группа людей. Попытки пригласить на митинг пассажиров из проезжавших мимо троллейбусов и автобусов, в основном, успеха не имели.

Вечером в троллейбусе я был очевидцем того, как на одной из остановок вошел молодой парень и стал предлагать листовки в поддержку Ельцина. Но уже в самом начале незнакомый мужчина, скомкав листовку, бросил ее в лицо парню, сказав, чтобы тот немедленно убрался из троллейбуса. Парень безропотно его покинул.

По оценкам некоторых социологов августовские события, а точнее, отстранение от власти Горбачева отрицательно восприняли не более 20—30% взрослого населения страны.

Утром 22 августа я снова позвонил в Москву заместителю Генерального прокурора Абрамову И.П., но тот опять ничего конкретного на мои вопросы не сказал, кроме разве того, что я могу не прерывать отпуска, но регулярно поддерживать связь.

Меня постоянно не покидали мысли о сути происходящего. Строил предположения, версии. Еще вечером 19 августа в семейном кругу я высказал возможные причины и сценарий путча.

Я знал, что Крючков В. и Павлов В. неоднократно докладывали о сложной ситуации в стране, о разрушении государственности и возможном экономическом крахе. Предлагали принять конкретные меры, восстановить действие Конституции СССР. Очередной такой доклад последовал Горбачеву в Форосе. По-видимому, в очередной раз Горбачев после неутешительных сообщений о ситуации в стране патетически спросил: "А что же вы все-таки предлагаете?"

Будущие путчисты предложили принять ряд чрезвычайных мер, в том числе и самого крайнего толка, — использование военной силы. Горбачев, как всегда, отверг их предложения, сославшись на то, что его в мире знают как большого гуманиста, демократа и лауреата Нобелевской премии. Тогда ему предложили "заболеть", временно передать власть Янаеву, а они сами попробуют реализовать свои предложения. На это Горбачев дал, по всей вероятности, согласие, с чем все и разъехались.

Горбачев же, оставшись один, еще раз все "взвесил". Действия "путчистов" его устраивали. В случае их успеха - он с ними. В случае провала — он с демократами, предаст "путчистов" анафеме и решит свои задачи.

Горбачеву, также как и "демократам", путч был нужен. Горбачев, используя его провал, находил повод отречься от компартии, от прежнего государственного аппарата, которые давно ему мешали, не давали широко развернуть реставрацию капитализма в Союзе. Кроме того, его популярность в народе резко падала и появлялась возможность выдать себя за великомученика, чтобы снова набрать очки.

Однако версий можно строить множество. Дождемся суда; если он состоится, может быть, он даст ответ на многие вопросы; может, и нет.

После 23 августа посыпались сообщения об арестах и освобождениях от занимаемых должностей. Из печати узнал об увольнении из Прокуратуры Абрамова и снятии с должности первого заместителя Генерального прокурора

Васильева А., человека, которого я всегда уважал и уважаю за его честность, большую порядочность и высокие профессиональные качества. Затем уволили из прокуратуры Главного военного прокурора Катусева. Все приказы подписал Генеральный прокурор СССР Трубин Н.

По возвращении в Москву я узнал о причинах столь скоропалительных его решений. 27 августа, до окончания отпуска, я вошел к нему в кабинет. Необходимо было решить вопросы о времени подписания меморандума о сотрудничестве с министерством юстиции Австралии, о возможности направления наших свидетелей в эту страну на процессы по военным нацистским преступникам, совершившим злодеяния в годы Второй мировой войны на территории Украины и укравшихся потом в Австралии.

Трубин был чем-то раздражен, нервничал, на мои предложения отвечал кратко. Я уже собирался уходить от него, но он остановил меня и сразу же без всякого предисловия сказал, что надо прекратить дела в отношении Калугина, Гдяна и Иванова. Его слова вызвали у меня удивление. Почему он в такое сложное время ведет о них разговор? Я ответил, что есть веские доказательства виновности названных лиц и оснований для прекращения не имеется. Тогда он раздраженно сказал: "Надо найти эти основания и прекратить дела". Предложил мне подумать и принять решение. На этом разговор был окончен.

В этот же день я встретился с Васильевым А. Он находился еще в своем служебном кабинете. Мы обменялись рукопожатиями. Его состояние было подавленным. На мой вопрос о причинах отстранения от должности Алексей Дмитриевич протянул мне шифротелеграмму, которую он подписал 20 августа и направил всем прокурорам республик, краев и областей. Когда я ознакомился с текстом, он спросил меня: "Можно ли, исходя из текста, сделать вывод, что всем прокурорам на местах была дана команда поддержать переворот?" Я ответил, что нет. Обычное указание, написанное, как и множество других и направленных ранее прокурорам.

В телеграмме говорилось, что в условиях управления страной Государственным комитетом по чрезвычайному положению необходимо обеспечить строжайшее соблюдение законности, исполнение Конституции СССР и республик.

О всех чрезвычайных происшествиях и противодействию ГКЧП, предлагалось в телеграмме, незамедлительно сообщать в прокуратуру Союза. Видимо, вот эта последняя строка и явилась роковой для прокуратуры и ее руководства. Ее почему-то истолковали как поддержку путчистов. Коллегии прокуратуры выразили недоверие. Сейчас становится ясно, почему так истолковали.

Так называемым демократическим силам давно не нравился состав коллегии, который, в основном, всегда придерживался приоритета Конституции СССР и Союзных законов, прямо говорил о правовом волюнтаризме в стране. Поэтому искали любой повод, чтобы избавиться от коллегии. Это одна из причин, но далеко не последняя.

Началось следствие по участникам переворота.

В соответствии с действующим законодательством оно должно проводится прокуратурой Союза и под ее надзором. Чтобы отстранить нас от надзора, и объявили коллегия пугчистской. В этом весь секрет закулисной демократической возни. Какой бы ни была прокуратура Союза СССР, но она бы никогда не пошла на грубейшие нарушения законности, на те, что допустила прокуратура РСФСР в ходе следствия по данному делу. Но о них чучь позже.

На второй день помощник Трубина передал мне его указание о немедленном прекращении дел Калугина, Гдляна и Иванова. Я попросил сообщить Генеральному, что я на сделку с совестью не пойду и принимать такое решение не буду.

Тогда указания Трубина по делу Калугина передали в Главную военную прокуратуру, где их и исполнили.

30 августа 1991 года Трубин подписал постановление о прекращении дела в отношении Гдляна и Иванова. Постановление для него подготовил его беспринципный и неквалифицированный помощник Захаров Ю.

Это решение я назвал предательством законности, конъюнктурным, неправовым, угодливо политическим. Дело в том, что 12 июня 1991 года тот же Трубин информировал Горбачева, что в ходе следствия собраны дополнительные доказательства, дающие основания для предъявления обвинения Гдляну и Иванову в совершении ими ряда преступлений, в том числе: злоупотребление служебными полномочиями, их превышение, принуждение граждан к даче показаний и к клевете. Он также сообщил, что решается вопрос о повторном вхождении в Верховный Совет страны с представлением о даче согласия на их привлечение к уголовной ответственности.

Аналогично развивались события и вокруг дела Калугина О. В конце мая 1991 года Главная военная прокуратура представила Трубину проект представления в Верховный Совет СССР о получении согласия на привлечение Калугина к уголовной ответственности, так как он тоже был народным депутатом СССР. Трубин поручил мне лично изучить дело и доложить о достаточности доказательств для вхождения в Верховный Совет. До этого результаты следствия неоднократно обсуждались у нас на оперативных совещаниях с участием почти всех заместителей Генерального прокурора, работников военной прокуратуры, а также государственной безопасности. Мнение у всех было единое — Калугин разгласил государственную тайну и должен отвечать по суду.

Несмотря на это, я еще раз ознакомился с материалами дела. Тщательно изучил экспертное заключение, подготовленное специалистами Совмина СССР, Министерства обороны, ряда научно-исследовательских институтов и комитета безопасности. Выводы экспертов были категоричными: Калугин нанес огромный ущерб государственным интересам страны, раскрыл методы работы разведки и контрразведки, вплоть до рассекречивания нашей агентуры за рубежом.

Остается только удивляться и до глубины души возмущаться, что этому человеку Г орбачев вернул генеральское звание, пенсию, а Бакатин, возглавив

КГБ, взял его в главные свои советчики. Действительно, как сказал один писатель, в стране, в России сейчас правят бал предатели и перевертыши, подлецы и бесчестные люди.

Изучив материалы дела и побеседовав со следователями, прокурорами Главной военной прокуратуры, я доложил Трубину о возможности вхождения с представлением на получение согласия на привлечение Калугина к судебной ответственности. Однако предложил входить не в Верховный Совет, а в Президиум Верховного Совета СССР. Свое мнение мотивировал тем, что многие сведения, находящиеся в деле, носят секретный характер, и мы сами вольно или невольно можем допустить утечку государственной тайны.

Генеральный прокурор согласился со мной, и я вскоре подготовил проект представления. Это было перед самым моим уходом в отпуск. Трубин его не успел подписать при мне и оставил у себя.

Будучи уже в отпуске, я позвонил из Пензы своему заместителю Врублевскому А. Тот сообщил, что Трубин изменил свое решение и дал команду переписать представление, изменив адресат — с Президиума на Верховный Совет СССР. Его указание было выполнено, но представление вновь оказалось не подписанным. Трубин уехал на несколько дней на Кубу, а вернулся уже после августовских событий. Представление так и не ушло в Верховный Совет.

В чем же причины резкого изменения мнения Трубина о названных делах? Суть заключается в том, что он, как сообщалось в наших газетах, будучи на Кубе, высказался в поддержку путча. Я не могу утверждать, так это было или нет, но Трубина на "крючок" подцепили. Над ним навис "дамклов меч". Демократы в Верховном Совете ему поставили условие: или он выполняет их требования, или его объявляют путчистом. Вот после этого Трубин и стал "доказывать" свою приверженность демократии.

Чтобы усидеть в кресле Генерального, тут же поувольнял своих заместителей; как говорится, "прошелся по их трупам". Следом из конъюнктурных, личных угодливых соображений стал прекращать дела в отношении так называемых демократов. Этим и объясняется его предательство законности.

Сентябрь прошел в обычных делах. Скажу, что я в какой-то мере был доволен тем, что был избавлен от надзора за следствием по августовским событиям. Я с трудом представлял, как войду в камеру к Крючкову или Шенину, людям, которых я знал и знаю только с лучшей стороны — как патриотов своей Родины.

Вместе с тем не покидало чувство тревоги, и досады на то, что тебе впервые на третьем десятке лет работы выказали недоверие.

В сентябре в управление из отдела систематизации поступили светоконии Указов президента РСФСР о приостановлении деятельности компартии на территории России и о передаче ее имущества в собственность государства.

Указы датированы 23 и 25 августа 1991 года.

Затем поступило Постановление Верховного Совета СССР от 29 августа того же года, которым также приостанавливалась деятельность КПСС на всей территории страны. Документы были проанализированы, сопоставлены с другими нормативными актами. Вывод был сделан однозначный: они не соответствовали, прямо противоречили Конституциям СССР и РСФСР и общепризнанным международным нормам и обязательствам, принятым на себя Союзом ССР в области прав человека.

Согласно конституциям и Закону СССР "Об общественных объединениях" компартия как общественное объединение может быть ликвидирована только по решению высших судебных инстанций, а не президента. В таком же порядке отчуждается и ее имущество. Никаких судебных решений на этот счет не состоялось. Конституции были явно попорнены. Президент Горбачев промолчал, не наложил вето на Постановление Верховного Совета, не отменил Указы Ельцина. Сделал вид, что их вообще не существует.

Силами двух управлений мы подготовили записки Горбачеву, Ельцину, в Верховные Советы СССР, РСФСР, а также председателю Комитета конституционного надзора СССР Алексееву С. При этом исходили из того, что грубо попорнены права человека. Записки легли на стол заместителя Генерального прокурора Андреева В.И. Тот не проявил большого энтузиазма, хотя и не осудил нашу инициативу. Дня через два или три он пригласил меня к себе и сообщил, что Трубин подписывать наши записки отказался. Я не спрашивал, чем он мотивировал свой отказ. Для меня было ясно — он просто боялся спорить, боялся потерять свое кресло. Уже в какой раз Генеральный прокурор уходил от реагирования на беззаконие, попрание прав тысяч, миллионов граждан.

Однако были и другие факты, когда его представления, его записки оставляли без всякого внимания в высших эшелонах власти.

В начале сентября состоялся пятый, внеочередной, съезд народных депутатов СССР. Его решения представляют исключительный интерес, как и сама обстановка, процедура работы. Для многих из нас становилось все более очевидным, что в стране усиливается власть президентов, законодательная, народная власть им мешает, с ней перестают считаться, отодвигают на задний план и вовсе разрушают. Наступает эра, особенно в России, авторитарной власти, за которой последует диктатура. Пятый съезд подтвердил наши опасения. Авторитаризм, диктатуру начали устанавливать те, кто еще совсем недавно в предвыборной борьбе, на митингах и с экранов телевидения заявлял о своей приверженности демократии, кому народ поверил, а те, встав у власти, начали предавать его.

Еще задолго до сентября, до работы пятого, внеочередного, съезда народных депутатов я высказал в печати (Газета "Карьера" № 14 за июль 1991 г.) опасение по поводу того, что президент СССР и президенты республик могут собраться и разогнать съезды народных депутатов. Так оно и случилось. На пятом съезде президенты сели в президиум, а народная власть осталась внизу.

Не она управляла ими, а они командовали ею. Произошло непоправимое для союзного государства, для всех нас. Горбачев совместно с республиканскими лидерами начал широкомасштабную кампанию по ликвидации народной власти, по ограничению ее функций.

Думаю, после разгона союзного съезда такая же участь ждет и российский съезд.

Общаясь с депутатами всех уровней, я для себя сделал один вывод, — что они так и не поняли, кто есть кто, что именно им и никому другому по конституции принадлежит высшая власть. Все остальные перед ними должны держать ответ, исполнять их законную волю.

ТИХИЙ ПЕРЕВОРОТ

После августовских событий в стране начался тихий государственный переворот, весьма утонченный, весьма коварный и разрушительный. Горбачев и Ельцин взяли в нем на себя роль первых скрипок.

6 сентября 1991 года в средствах массовой информации промелькнуло сообщение о признании Государственным Советом СССР независимости Латвии, Литвы, Эстонии. Это произошло буквально на следующий день после окончания работы пятого, внеочередного, съезда. И что еще примечательно, после того как 5 сентября Буш заявил о признании независимости названных республик, Горбачев заторопился. Он не мог ослушаться, отстать от заокеанского президента, бывшего шефа ЦРУ.

И еще замечу. Вопрос о так называемой независимости трех Прибалтийских республик на обсуждение съезда вынести побоялись. Знали, что там он мог провалиться как абсолютно непропорциональный. Вот почему отложили до 6 сентября, но не далее.

Конечно, оценивать юридическую обоснованность постановления Госсовета на слух очень сложно. Документ необходимо читать с карандашом в руках, сопоставляя с другими нормативными актами. По поступлении текстов постановлений к нам в управление я поручил их тщательно изучить и высказать суждение о их правомерности. Изучали несколько сотрудников, в том числе заместитель начальника управления Андреев К., однако вывод у всех был однозначный — постановления не соответствуют Конституции СССР и Закону СССР "О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР", принятому 3 апреля 1990 года.

Я попросил подготовить мотивированное заключение, в котором обязательно должны быть отмечены основные противоречия и несоответствия действующему законодательству. Такое заключение вскоре подготовили и положили мне на стол. Я утвердил его.

Возник естественный вопрос: "Что делать дальше?". Была некоторая надежда на комитет конституционного надзора. Шло время, но он хранил гробовое молчание. Для меня становилось все более очевидным, что комитет

не будет реагировать, что и не удивительно. Его возглавил Алексеев С., профессор, доктор юридических наук, впоследствии он стал членкором Академии наук СССР. Человек, который все свои ученые степени и звания заработал на "развитии и углублении" марксистско-ленинской теории о праве и государстве. Затем он занял, по сути дела, ревизионистские, отступнические позиции. Это лишнее подтверждение того, что "перевертышам" верить нельзя. Предавшие однажды, они предадут и еще не раз. К тому же Алексеев С. оказался человеком безвольным, не способным противостоять беззаконию, произволу вождей. Видимо, здесь сказались и его личные качества.

Я вновь вспомнил открытие пятого внеочередного съезда, когда Горбачев и президенты республик, вопреки подготовленной повестке и регламенту съезда, отправили депутатов думать по представительствам республик в Москве. Алексеев С., выйдя на трибуну, пытался что-то робко сказать о нарушениях, о неправомерности данных действий. Это было утром, а во второй половине того же дня блюститель конституции выглядел уже как "мокрая курица" и пролепетал, что все правильно и в создавшейся ситуации ничего другого предпринять нельзя. Я уверен, что Горбачев его "обработал" в перерыве между заседаниями.

Оставалась еще одна возможность. Идти к Генеральному прокурору и докладывать о нарушениях, о таких отступлениях, которые "попахивают" Уголовным кодексом. Однако идти к Трубину было делом безнадежным. Государственные вопросы его меньше интересовали. Главная проблема, которую он решал тогда — как остаться в кресле. Пусть рухнет Союз, пусть рухнет Отечество, главное — останется он. Идти к нему, заведомо зная, что он откажется поставить свою подпись, как уже неоднократно отказывался подписывать подготовленные нами острые документы прокурорского реагирования, просто не было смысла. Трубин продолжал всех убеждать, что он не "путчист", а сторонник демократии. По сути, он объявил "день открытых дверей" для прекращения дел. Вопреки доказательствам, пустил "под нож" не одно крепкое дело, пусть это останется на его совести, хотя придет время, и ему придется ответить.

И все же, не рассчитывая на поддержку, 1 ноября 1991 года я направил ему рапорт следующего содержания.

"Николай Семенович!

6 сентября с.г. Государственный Совет СССР принял Постановление о признании независимости Латвии, Литвы и Эстонии, которыми фактически закрепил выход указанных республик из состава СССР.

Данные постановления как по форме, так и по содержанию грубо противоречат действующему Закону СССР от 3 апреля 1990 года "О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР". В республиках Прибалтики не проводились референдумы по поводу выхода из СССР, они были подменены или опросом населения, или голосованием за

независимость республик. Не был установлен и переходный период для рассмотрения всех спорных вопросов.

Кроме того, Государственный Совет под руководством Горбачева М.С. превысил свои полномочия и принял решение по вопросу, относящемуся к компетенции Верховного Совета СССР. Стране нанесен неизмеримый ущерб, попораны интересы сотен тысяч граждан некоренной национальности.

Право республик на выход из СССР никем не оспаривается, но он должен быть осуществлен в строгом соответствии с законом.

Постановления Государственного Совета СССР являются юридически безграмотными, не имеющими правовой силы. Комитет конституционного надзора СССР оставил их без внимания.

Полагаю необходимым реагирование Прокуратуры Союза ССР. В случае Вашего согласия документы будут подготовлены".

Этот рапорт я передал Трубину через его помощника без всякой надежды. В голове постоянно стоял вопрос: "Что делать?". Госсовет и президент Горбачев в очередной раз допустили нарушение Конституции. Правовой волюнтаризм охватил все общество и, самое страшное, с Законом перестали считаться в высших эшелонах власти, произвол совершали президенты и законодатели, мэры и министры. Какого зако-нопослушания после этого можно было ждать от простых граждан? Общество постепенно падало в пучину анархии и беспорядков. Из-за волюнтаризма вождей и политиков страна оказалась охваченной пожаром национальных распрей. Передо мной снова и снова вставали страшные картины побоищ в Закавказье и Фергане, в Молдавии и Прибалтике. Я вспомнил лица и глаза беженцев, детей в Армении и Азербайджана, лица отчаявшихся людей в Дубоссарах, в Осетии. Они просили о помощи, они просили президента защитить их. Но он их предал. Теперь еще одно предательство в Прибалтике. Должен же Горбачев за это нести ответственность?

ПО СТАТЬЕ "ЗА ИЗМЕНУ РОДИНЕ"

4 ноября 1991 года я принял твердое решение о возбуждении уголовного дела в отношении Горбачева за измену Родине. Скажу сразу, что я не посвящал в это никого из своих сотрудников. Я знал, какой "гнев", какой карающий меч может обрушиться после этого. Поэтому и решил все сделать сам, не подставляя под удар других.

Какие правовые основания были у меня?

Я исходил из того, что при разрешении прибалтийского вопроса действительно были допущены беспрецедентные нарушения законности. Мои оппоненты, не сумев опровергнуть этого факта, пустились в огульные обвинения меня в том, что я противник независимости республик, противник их выхода из Союза.

Да нет же! Я никогда не оспаривал и не оспариваю право наций, народов на самоопределение. Только они могут решать, где и с кем им жить. Но я был и остаюсь приверженцем правового, цивилизованного решения всех вопросов, с учетом интересов всех сторон.

Давайте обратимся к правовым документам, к самому предмету обсуждения. Здесь, думаю, необходимо привести одно из постановлений Государственного Совета СССР от 6 сентября — по Литве. (Все три постановления, как капли воды, похожи друг на друга.)

Оно значится за № ГС-1/1091/:

О признании независимости Литовской Республики:

Учитывая конкретную историческую и политическую обстановку, предшествовавшую вхождению Литовской Республики в СССР, Государственный Совет СССР постановляет:

1. Признать независимость Литовской Республики.

2. Исходя из Постановления 5 (внеочередного) Съезда народных депутатов СССР, провести переговоры с Литовской Республикой для решения всего комплекса вопросов, связанных с обеспечением прав граждан и интересов СССР и образующих его государств, касающихся экономических, политических, военных, пограничных, гуманитарных и иных вопросов.

Сформировать государственную делегацию Союза ССР для переговоров с Литовской Республикой, предоставить ей необходимые полномочия.

Учитывая особую заинтересованность РСФСР и БССР, граничащих с Литовской Республикой, включить их представителей в указанную государственную делегацию Союза ССР.

3. При решении вопросов, связанных с признанием независимости Литовской Республики, учитывать необходимость выполнения обязательств СССР перед мировым сообществом, а также соблюдения общепризнанных норм международного права, прав и свобод человека и национальных меньшинств, закрепленных в международных договорах и иных актах, участником которых является СССР.

4. Исходя из Декларации прав и свобод человека, принятой 5 (внеочередным) Съездом народных депутатов СССР, признать, что граждане СССР, выразившие желание остаться в Литовской Республике или переехать в СССР, подлежат правовой защите СССР и той республики, гражданство которой они примут.

5. МИД СССР заявить о поддержке обращения Литовской Республики о ее вступлении в ООН, а также высказаться в пользу ее присоединения к Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе

Государственный Совет СССР

Москва, Кремль

...

Несколько слов о самом названии постановления "О признании независимости...": создается впечатление, что члены Госсовета и Горбачев никогда не открывали Конституции СССР и конституций союзных республик. Так вот, в Конституции СССР, в ст. 76 прямо записано: "Союзная республика — суверенное советское социалистическое государство; которое объединилось с другими советскими республиками в Союз Советских Социалистических Республик". Само слово "суверенитет" нами позаимствовано из французского языка и означает "верховенство и независимость власти". Поэтому признавать за республикой то, что у нее и без того есть, просто нелепо. Под признание независимости попытались замаскировать выход республик из Союза. Прямо называть это побоялись, отсюда и появились нелепицы.

Теперь о конкретной исторической и политической обстановке, предшествовавшей вхождению в СССР.

Для меня было неясно, почему в постановлениях говорят о ней; почему не сказано, было или нет на то волеизъявление людей. Тоже много тумана.

Под обстановкой подразумевают пакт "Молотова — Риббентропа" и ввод войск Красной Армии в Прибалтику накануне Великой Отечественной войны 1941-45 годов. Здесь надо глубоко, неторопливо во всем разобраться. Конечно, Америка никогда не признавала вхождение в СССР Эстонии, Литвы и Латвии. Она просто считалась с этими реалиями до поры до времени. Так поступали в Америке, того же мнения был небезызвестный Яковлев А., долгое время живший за Атлантикой. Он уже давно мыслит и действует так, как мыслят и действуют там, в США. Я об этом вспоминал, когда он на съезде народных депутатов СССР выступал по прибалтийским проблемам. К сожалению, тогда не прозвучали многие слова правды об истории тех лет.

Взять, к примеру, заключение комиссии Президиума Верховного Совета ЭССР, в котором утверждается, что включение Эстонии в Союз явилось результатом сговора между СССР и Германией. Под сговором имеется в виду все тот же пакт "Молотова — Риббентропа" от 23 августа 1939 года. Конечно, вряд ли было бы правильно оспаривать великодержавные амбиции тогдашнего руководства СССР в международных отношениях. Но нельзя допустить и односторонней оценки, произвольного толкования событий, происходивших в Прибалтике, в частности, революционного движения, выступления народных масс. Тем, кто не считает их народным противостоянием существовавшим режимам, скажу, что августовские события у Белого дома в сравнении с ними можно назвать "пьяным сборищем". Тем не менее демократы нарекли это революцией.

Но вернемся к пакту "Молотова — Риббентропа".

В статье 1-ой секретного протокола, если считать, что он существовал, указано: "... в случае территориального политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению

Виленской области признаются обеими сторонами". Эту формулировку нельзя толковать иначе, как признание суверенитета Литвы, а следовательно, и других Прибалтийских государств. Что касается территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств, то имелись в виду лишь отдельные территории, а не государства в целом. По Литве такое переустройство состоялось 10 октября 1939 года и заключалось в передаче ей Виленской области, которая в свое время была захвачена Польшей.

В таком понимании пакта "Молотова — Риббентропа" строились в 1939 г. отношения СССР с Финляндией. Как известно, и здесь территориально-политическому переустройству подверглись лишь некоторые пограничные районы, а не вся территория Финляндии.

Что касается дееспособности Государственной Думы Эстонии, провозгласившей в Эстонии Советскую власть и принявшей Декларацию о вхождении ЭССР в состав Союза ССР, то здесь следовало бы учесть следующее. 21 июня 1940 года в Эстонии было сформировано новое правительство, состоявшее в основном из членов социал-демократической партии Эстонии. Во главе этого правительства стал И. Варес.

Поскольку оно не имело в парламенте необходимой поддержки, президент республики К. Пяте принял решение провести досрочное переизбрание парламента; тогда же в печати было опубликовано специальное обращение президента Пятса к эстонскому народу, в котором говорилось: "Выборы должны состояться как можно скорее, об этом мною дано правительству республики соответствующее указание. Сроки, установленные в действующем законе о выборах, предусмотрены для исполнения в нормальных условиях, их невозможно соблюдать в нынешних особых условиях. Поэтому правительству республики надлежит сократить сроки, предусмотренные в законе. Надеюсь, что все граждане поймут эту необходимость и исполнят свой гражданский долг в сроки, установленные правительством республики".

Воспользовавшись революционной ситуацией, коммунисты, объединившись с социал-демократами и другими прогрессивными силами в Союз трудового народа, сумели на всех избирательных участках выдвинуть своих кандидатов и добиться на выборах победы. В выборах приняло участие 81% избирателей, за кандидатов Союза трудового народа проголосовало 92% избирателей.

Каких-либо объективных данных о вмешательстве СССР в ход выборов не установлено.

Таким образом, нет достоверных оснований говорить о недееспособности Государственной думы Эстонии, провозгласившей в Эстонии Советскую власть и принявшей декларацию о вхождении ЭССР в состав Советского Союза.

Неубедительным представляется и утверждение, будто Государственная дума Эстонии не имела от народа мандата для принятия указанной выше декларации.

Если с этим согласиться, то следует признать недействительной также декларацию, провозгласившую 19 февраля 1918 г. буржуазную Эстонию самостоятельным государством, с последующим выходом из России, ибо она была принята практически в условиях немецкой оккупации малочисленным Советом старейших Земского Собора Эстонии, который не имел на это полномочий не только от народа, но и от Земского Собора.

Это, как говорится, экскурс в историю для бывших членов Государственного Совета СССР.

Если он для них не убедителен, тогда просто надо вспомнить, что нахождение Латвии, Литвы, Эстонии в составе Союза закреплено послевоенными республиканскими конституциями и Конституцией СССР 1977 года. Мы прожили все вместе более 50-ти лет. У нас был единый народ, единая территория, одна граница, общая собственность, единая армия. Поэтому и выход из СССР должны осуществлять на твердой правовой основе, а не поворовски разбегаться темной ночью. (Из этого я исходил, когда решал вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении президента).

Теперь о главном. Мог ли Госсовет принимать такое решение? Нет, не мог, и вот почему. На конституции, конечно, многие махнули рукой, посчитали, что они давно устарели. Но ведь порядок решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР, установлен законом совсем недавно, 3 апреля 1990 года. Оказывается, и на него уже махнули рукой. В таком случае и решения презревших законность нынешних лидеров вскоре не будут признавать, не будут исполнять. Тогда как нам жить в этом правовом беспределе?

Упомянутый ранее закон в соответствии со ст. 72 Конституции СССР, признавая суверенное право каждой республики на свободный выход из состава СССР, установил, что он может быть осуществлен только путем свободного волеизъявления (референдума) всего народа, проживающего в республике.

Решение о выходе считается принятым, посредством референдума, если за него проголосовало не менее двух третей населения республики (ст. 6). Законом также определен порядок проведения референдума и подведения его итогов.

В случае положительных итогов голосования устанавливается переходный период, не превышающий пяти лет, в течение которого должны быть решены все вопросы, возникающие в связи с выходом республики из СССР. В переходный период на территории выходящей республики сохраняют свое действие Конституция СССР и законы СССР (ст. 9).

По окончании переходного периода или при досрочном урегулировании вопросов по выходу из СССР высший законодательный орган страны должен принять решение, подтверждающее завершение процесса урегулирования всех вопросов, затрагивающих интересы выходящей республики и интересы Союза ССР и оставшихся его субъектов. С момента принятия такого решения выход союзной республики из СССР считается состоявшимся (ст. 20).

Установленный Законом СССР порядок Госсоветом был грубо нарушен, а суверенитету, территориальной неприкосновенности, государственной безопасности и обороноспособности СССР нанесен неизмеримый ущерб.

В Латвии, Литве, Эстонии референдумы о выходе из СССР фактически не проводились. Они, как уже отмечалось, были подменены опросом населения или голосованием по поводу независимости республик. Национал-сепаратисты просто боялись проводить референдум, так как знали, что не найдут подавляющей поддержки у населения.

Еще в 1989—90 годах Ландсбергис и его окружение, например, не имели большинства сторонников у сельского населения Литвы, да и рабочий класс далеко не весь разделял их взгляды.

Горбачев и члены Госсовета забыли, что 15 марта 1990 года внеочередной третий съезд народных депутатов СССР принял специальное постановление по Литве. В нем в частности записано:

"Верховный Совет Литовской ССР объявил 10—12 марта 1990 года о" восстановлении независимости Литовского государства", отмене действия Конституции Литовской ССР и Конституции СССР на территории республики.

Обладая конституционным правом на самоопределение, союзная республика вместе с тем не может, как при взятии в федерацию, так и при выходе из нее, игнорировать возникающие при этом политические, социально-экономические, территориальные, правовые и другие проблемы.

Съезд народных депутатов рассматривает упомянутые решения Верховного Совета Литовской ССР как не имеющие законной юридической силы.

Съезд народных депутатов СССР постановляет:

1. Подтверждая право каждой союзной республики на свободный выход из СССР /статья 72 Конституции СССР/. Съезд определяет, что впредь до установления Законом порядка и последствий выхода из состава Союза односторонние решения Верховного Совета Литовской ССР, противоречащие статьям 74—75 Конституции СССР, являются недействительными".

Это постановление никем не отменено и обладало высшей юридической силой. В нем правильно подчеркивалось, что союзная республика как при вхождении в Федерацию, так и при выходе не может игнорировать возникающие политические, экономические, правовые и прочие проблемы. Почему-то об этой истине забыли 6 сентября 1991 года.

Если Горбачев забыл исполнить волю высшей законодательной власти государства, то хотя бы вспомнил то, что писал и говорил совсем недавно сам о событиях, происходящих в Литве.

31 марта 1990 года он обратился к литовскому народу. Обращение начинается словами:

"Уважаемые граждане Литовской ССР!

Я обращаюсь к вам в трудный для страны час. Решения Верховного Совета Литовской ССР от 11 марта с. г. подвели всех нас к критической отметке.

Предпринимаемые нынешним литовским руководством попытки в одночасье разорвать связи республики с Советским Союзом, избранная им тактика односторонних и ультимативных действий ставят под угрозу нормальную жизнь и безопасность всего народа республики — литовцев и нелитовцев — и вызывают большую тревогу в стране.

Разве это нормально, когда поправки в Конституции, определяющие судьбу республики, ее народа, затрагивающие интересы всей страны, решаются с наскака, без консультаций и обсуждений, буквально в течение одной ночи?"

Далее Горбачев отметил: "Нынешние литовские лидеры пробуют убедить вас и в том, что их сепаратистские действия не скажутся на экономических, научно-технических и других связях с остальными республиками СССР. Но это не так. Ибо все эти связи могут развиваться нормально и приносить плоды лишь в благоприятной атмосфере доверия и взаимопомощи, а отнюдь не в обстановке конфронтации и ультиматумов, неуважительного отношения друг к другу и межнациональной розни.

Демонстративное пренебрежение к Конституции СССР, вызов советским законам, неисполнение союзных обязательств порождают справедливое возмущение во всей стране. Президент СССР, Верховный Совет СССР, правительство СССР получают многочисленные письма и телеграммы, в которых выражаются крайняя озабоченность и недоумение в связи с тем, что происходит в Литве. Люди требуют защитить Конституцию СССР, оградить Союз от ущерба, который ему наносят действия сепаратистов. Предлагается применить эффективные меры экономического, политического, административного характера. В Белоруссии и Калининградской области ставится вопрос о возвращении территорий, переданных Литве после ее вхождения в состав СССР.

В общем, ситуация и в самой республике, и вокруг нее приобрела драматический характер. И если сейчас не прислушаться к голосу разума, события могут иметь тяжелые последствия для всех нас. Мы должны быть едины в стремлении не допустить этого".

Правильно все сказано; если бы за этим последовали такие же правильные конкретные дела!

В феврале 1991 года Горбачев издал Указ "О решениях Верховного Совета Литовской ССР от 16 и 18 января 1991 года о проведении опроса жителей республики". Президент отметил в нем, что "решения" Верховного Совета Литовской ССР нельзя расценить иначе, как намерение блокировать исполнение в республике постановления Верховного Совета СССР о проведении референдума СССР по вопросу сохранения Союза ССР. Пользуясь обострившейся социально-политической обстановкой в республике, ее руководители пытаются с помощью опроса организовать поддержку своим сепаратистским устремлениям".

На основании изложенного президент Горбачев постановил: "Признать, что проводимый в соответствии с постановлением Верховного Совета

Литовской ССР от 16 января 1991 года и от 18 января 1991 года опрос и попытки объявить его "плебисцитом в будущем Литовского государства" являются юридически несостоятельными".

Аналогично Горбачев среагировал на неправомерные акты, принятые в Латвии и Эстонии.

14 мая 1991 года он объявит о не имеющей юридической силы Декларации Верховного Совета Латвии, принятой 4 мая 1991 года "О восстановлении независимости Латвийской Республики".

В этот же день он признает недействительным постановление Верховного Совета Эстонской ССР "О государственном статусе Эстонии" от 30 марта 1990 года".

Свои Указы Горбачев мотивировал тем, что Верховные Советы Прибалтийских республик грубо нарушили ст.ст. 2, 70, 71, 73 и 75 Конституции СССР, а также названный ранее закон СССР от 3 апреля 1990 года.

Пройдет чуть больше полгода, и Горбачев полностью забудет конституцию, законы, свои же ранее принятые Указы. Почему произошло такое предательство, откуда такая непоследовательность, такое непостоянство? Скорее всего это постоянство, но другого рода, постоянство в предательстве. Горбачев и ранее не чтит Конституцию, законы. Он бы их сам давно перечеркнул полностью, просто свои действия он соизмерял с ситуацией в стране и из нее исходил.

Тогда ситуация не позволяла так откровенно и цинично попирать волю народа, волю высшего законодательного органа. После августовских событий ворота беззаконию открыли настежь.

Я уже упоминал, что в случае высказывания на референдуме большинства (две трети) взрослого населения за выход республики из Союза устанавливается переходный период для рассмотрения всех спорных вопросов о территории, границе, таможене, обороне, проживании граждан и т.д.; этого периода не было.

Его отсутствие пагубно сказалось на судьбе части населения, оставшегося без защиты и прав. Создание комиссий для переговоров с Прибалтикой — шаг запоздалый. Эти комиссии практически уже ничего не могли решить.

Постановления о признании независимости Латвии, Литвы, Эстонии являются неправомерными актами и потому, что принимались они неполномочным органом — Госсоветом СССР.

Как известно, пятый внеочередной съезд народных депутатов СССР в целях недопущения дальнейшего распада структур власти объявил переходный период для формирования новой системы государственных отношений и структур.

Он же определил, что высшим законодательным (представительным) органом власти на данный период является Верховный Совет СССР, состоящий из двух самостоятельных палат: Совета республик и Совета Союза.

Госсовет создавался для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих интересы республик. Но он не являлся законодательным органом.

Согласно же Конституции СССР и Закону СССР от 3 апреля 1990 года, регулиющему порядок выхода республики из Союза, принимать решения, связанные с изменением государственного устройства, территорий, границ мог только высший законодательный орган, а не Госсовет.

Для наступления уголовной ответственности не всегда достаточно только лишь самого факта нарушения закона. Необходимы последствия в виде причинения существенного ущерба. Они в то время были налицо: нанесен огромный ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности, государственной безопасности и обороноспособности страны. Кроме этого, было совершено откровенное предательство некоренного населения, ему причинен материальный и нравственный ущерб, за который тоже необходимо нести ответственность. В Прибалтике многих людей превратили в людей второго сорта, о которых, несмотря на свою клятву, забыл президент.

Теперь давайте обратимся к ст. 64 УК РСФСР. Она так и гласит: "Измена Родине, т.е. деяния, умышленно совершенные гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР"... Как видите, совпадение полное.

Мои оппоненты утверждают, не оспаривая, правда, самих нарушений, что решение принималось коллегиальным органом, поэтому, дескать, Горбачев не может нести за них ответственности, тем более в уголовном порядке. Я хорошо понимал и понимаю, что такое коллегиальный орган. Да, конечно, неправ весь состав Госсовета.

Однако Горбачев, являясь его председателем, не переставал быть и президентом СССР. Согласно же ст. 127/3 Конституции СССР из всех членов Госсовета только на нем одном лежала конституционная обязанность выступать гарантом соблюдения прав и свобод советских граждан, независимо от того, где, в какой республике они проживают. На нем лежала первейшая обязанность обеспечивать суверенитет, безопасность и целостность страны. Этим я и руководствовался, из этого я и исходил.

Горбачев умышленно пошел на нарушение Конституции. Проекты постановлений готовились при непосредственном его участии. Он вынес их на рассмотрение Госсовета и участвовал в их обсуждении, да и сами решения скреплены его подписью. Так что есть конкретные действия.

Мог ли Горбачев поступить иначе? Конечно, мог и должен был это сделать. Он же не попытался даже разъяснить членам Госсовета то, что здесь допускается попрание Конституции. В конце концов он мог восстать, отказаться участвовать в этой позорной, предательской сделке. И если уж говорить о преднамеренности поступков, то последующее поведение Горбачева ее подтверждает. Ведь по его указанию вскоре будут заключены дипломатические

отношения СССР с Латвией, Литвой, Эстонией. Здесь он решения принимал единолично.

Я не случайно так много внимания уделил документам, принятым по Прибалтике 6 сентября 1991 года, ибо с них, с этой даты началось открытое, вероломное, вопреки воле народа разваливание и уничтожение Союза, ибо они явились прологом к преступномуговору в Беловежской пуще.

После возбуждения дела главными моими оппонентами стали Бакатин и Трубин. Конечно, не могли они оставить без защиты своего патрона, которому так преданно служили. Служили, не видя того, что сами стали нарушителями законности и разрушителями государственных структур.

До чего только они не доходили, выступая в средствах массовой информации! Заявляли, например, что в деле в отношении президента всего-то несколько бумажек. Как будто после его возбуждения там уже должно находиться обвинительное заключение! Еще раз скажу, что акт мною принят правомерно, для него были все юридические основания. А дальше надо расследовать, выяснять, прав я или не прав, есть основания для предъявления обвинения или нет. Если есть, то для какого обвинения и одному ли Горбачеву или еще кому-то.

Полемизировать с Бакатиным В., в юридической несостоятельности которого я никогда не сомневался, откровенно скажу, желания нет. Но он влез в одни глобли с Трубиным. И вот уже оба со ссылкой на ст. 127/6 Конституции СССР заявили, что президент страны обладает правом неприкосновенности. А коли так, то Илюхин не мог возбуждать в отношении него уголовного дела. Правда, Трубин не оспаривал мои процессуальные полномочия вообще на возбуждение дел, в том числе по ст. 64 УК РСФСР. Кстати, за два десятка лет прокурорско-следственной работы у меня такой практики было немало.

Что можно сказать по поводу рассуждений этих двух правовых "гигантов"?

Для человека, несведущего в законодательстве, они даже могут показаться убедительными. Однако дело обстоит иначе. Я не оспариваю, ст. 127/6 Конституции СССР и ее не нарушил. В союзном законодательстве не предусмотрен особый порядок возбуждения дел в отношении кого-либо, Трубин Н. об этом знает. Нет запрета на этот счет и по поводу президента. Но сделано исключение на задержания, арест, на предъявление обвинения народному депутату СССР, коим президент СССР не является.

На их реализацию необходимо получить согласие Верховного Совета страны. Но я еще раз подчеркну: согласие на задержание, арест, предъявление обвинения и*т.д., кроме возбуждения дела. Так что доводы моих оппонентов, мягко говоря, высосаны из пальца. Может быть, в Конституции СССР есть пробел, надо бы расшифровать и понятие "неприкосновенности", но я исходил из того, что записано в Законе, а не из пустопорожних умозаключений Бакатина и Трубина.

Неуместным нагромождением фраз можно назвать рассуждение Бакатина В. в печати и о приоритете международного права над национальным, о мнении ООН в пользу суверенитета государств. Все это мне хорошо известно, ибо с

международным правом приходилось сталкиваться не один год. Вадим Викторович ломится в открытую дверь, может, впервые открывая для себя то, что давно известно другим.

Нельзя оспаривать суверенного права республик на их выход из Союза. Речь идет о другом. Выход должен основываться на строгом волеизъявлении народа и осуществляться в установленном законом порядке. Этот порядок, чего Бакатин не знает, определяется не международным правом, а правом каждого федеративного государства.

Оправдывая допущенные Горбачевым нарушения Конституции СССР, Трубин и Бакатин постоянно ссылались на переходный период в жизни нашего общества. Но такая ссылка просто неуместна. Переходный период не есть период беззакония. И нельзя было допускать, чтобы в этот период Союз был разрушен и растаскан. История, потомки нам этого не простят.

Меня поразили правовым невежеством утверждения Бакатина о превышении мною служебных полномочий, а также его бравада: дескать, он, получив от меня дело в отношении Горбачева для расследования, сразу же возвратил его Трубину.

Что касается моих действий, то они соответствуют требованиям уголовно-процессуального законодательства.

В содеянном Горбачевым М.С. я усмотрел признаки преступления и в соответствии со ст. 108, 112 УПК РСФСР возбуждает уголовное дело. Действительно, прокуратура не осуществляет надзора за деятельностью Верховных Советов, президентов, Госсовета. Мы не вправе опротестовывать их решения. Но если президент, а он тоже и в первую очередь гражданин, совершает преступные деяния, мы обязаны решить вопрос о его ответственности независимо от того, что он занимает столь высокий пост. Содеянное Горбачевым во время работы Госсовета 6 сентября 1991 года из сферы политической, так будем говорить, перешло в рамки уголовно-правовой сферы: нарушения законности были, были и тяжкие последствия от них.

Бакатин В. мог обжаловать мои действия вышестоящему прокурору. Он же пошел на нарушение требований ст. 212 УПК РСФСР, которая предписывает, что "обжалование полученных указаний вышестоящему прокурору не приостанавливает их исполнение.. Вадим Викторович не знает закона, он допустил превышение служебных полномочий. Ему не следует заниматься толкованием правовых актов. Это не его область деятельности.

Но случай с ним весьма примечателен.

Он лишний раз подтверждает, насколько наплеватьски относятся к Закону на высших ступенях власти. Насколько там сильно правовое разращение. А если это так, то можно ли ждать правопослушания от других граждан страны?

До тех пор, пока президенты, народные депутаты, министры, мэры и другие руководители не научатся и не будут свято исполнять законы, наш народ,

наше общество так и будет катиться в пропасть от их волюнтаризма и губительной политики. . .

Добавлю: мой шаг — не сиюминутное решение, а плод долгих и горьких размышлений. Повторю, что личных выгод я здесь не искал. Моя карьера до этого складывалась неплохо и, я думаю, что не пойдя я на этот шаг, она и в дальнейшем складывалась бы также благополучно. Но я уже просто не мог и как гражданин, и как прокурор, осуществлявший надзор за исполнением Законов о госбезопасности, спокойно смотреть, как на всех уровнях попирается законность. Я не мог больше смотреть, как наплеватьски руководство страны относится к Конституции, и праву вообще — ведь это в конечном итоге привело к разрухе в экономике, межнациональным столкновениям, к развалу Союза, хотя народ, от имени которого сегодня говорят и действуют президенты и их команды, на референдуме 17 марта 1991 года однозначно высказался за сохранение именно Союза Советских Социалистических Республик.

Но народ обманули.

И еще об одном. К сожалению, так уж у нас повелось, что о серьезных ошибках, глубоких просчетах и беззаконии наших государственных лидеров, об их ответственности за нанесенный огромный неисчислимый ущерб обществу, народу мы начинаем говорить тогда, когда эти лидеры уходят в небытие.

А надо ставить вопрос об ответственности сейчас, при их жизни, чтобы хоть как-то избежать потерь или уменьшить их.

Если хулиган разбивает витрину, портит имущество, — возбуждается дело и виновник предстает перед судом.

Горбачев же вдребезги разнес еще не так давно могучее государство. И мы не должны молчать, ждать, когда обломки нас полностью завалят.

Меня всегда поражала наша терпимость, наша безропотность и наша доверчивость.

Мы без всякого сопротивления отдали на поругание кучке авантюристов нашу историю и наше отечество. Мы терпеливо смотрели, как семь лет разрушали нашу государственность. Смотрели и не возмущались. Не возмущаемся и сейчас, безропотно идя за новыми лжегероями, новыми лидерами, может быть, к последней своей черте.

Поэтому мне хотелось прокричать: "Люди, остановитесь, люди, встрепенитесь и задумайтесь над тем, кому вы вверили свою судьбу, почему вы сами не распоряжаетесь ею!"

Мне особо хотелось прокричать офицерам нашей армии: "Неужто среди вас уже нет Давыдовых и Рылеевых, Пестелей и Бестужевых, неужто нет декабристов? Почему вы позволили надругаться над собой, над страной, или вам звезды на погонах дороже Отечества?"

Вот почему я не только возбудил дело в отношении Горбачева, но и сделал его достоянием широкой общественности. К сожалению, расследование не состоялось по вине Трубина. Но я глубоко убежден, пройдет не так уж много времени, и еще возбудят дела против Горбачева М.С. Суд истории само собой,

но кроме него должен состояться правовой суд: за кровь и слезы осетин, армян и азербайджанцев, за унижение и надругательство над некоренным населением в Молдове и Прибалтике, за утрату территорий, за развал экономики, за бедственное положение трудового народа.

Горбачев ушел со своего поста, как он заявил, в силу сложившейся ситуации по принципиальным соображениям. Его заявление — верх лицемерия и цинизма. О каких принципиальных соображениях, идейных расхождениях можно вести речь, если их просто нет. Он ушел в отставку в силу того, что оказался ненужным, изжившим самого себя на посту государственного деятеля. Ушел один из предателей, время выгонит с исторической арены и других, тех, кто окружал его. Нельзя было без возмущения смотреть по телевидению, а потом читать в газетах его последнее заявление в роли президента страны. Горбачев вновь, как ставропольский секретарь, стоял на трибуне, а народ там, внизу. Он парил над народом, он, привыкший говорить, провозглашать курс, заниматься начетничеством и давать оценку другим, но не себе. Он остался прежним и в этот трагический для страны момент.

Ощущение такое, что Горбачев недавно спустился на нашу грешную землю, поездил, походил по ней и высказал свое недовольство тем, что мы с вами "натворили". Мы, а не он. Это действительно верх цинизма и бесстыдства. Хоть бы прощения у народа попросил. Никакого раскаяния. Впрочем, в этом тоже суть предательства.

К ДЕЛУ О ПУТЧЕ

События, происшедшие 19—21 августа 1991 года, назвали путчем, который, по мнению Горбачева, довел общий кризис до предельной черты.

Это, как говорится, опять попытка перевалить свою вину на других. Страна до августа 1991 года уже находилась у черты гибели. Путчем же пытались ее спасти, правда, средства для этого выбраны негодные. Путч нужен был Горбачеву и правящей верхушке России, но не трудовому народу. В обществе, в обыденном сознании людей без того начались глубокие изменения, переоценка демократических ценностей. Для народа все очевидней становился обман. Путч приостановил этот закономерный процесс. Им воспользовались реакционные силы. Сбросив лицемерные маски, они пошли в открытое наступление на социальные права трудящихся, на укрепление экономического могущества небольшой кучки людей.

Ельцин под аплодисменты послушного и обслуживающего его российского парламента ринулся на замену политического строя, закрепленного в Конституциях страны и России. Пошли гонения на оппозицию: началось расследование дел, носящих явно политический характер, последовал запрет компартии, после которого Ельцин стал наследником традиций Муссалени, Гитлера, Пиночета, других фашиствующих лидеров.

Последствия путча не идут ни в какое сравнение с губительными и авантюрными сделками 6 сентября 1991 года и в Беловежской пуще. Сделки эти

антинародны и не имеют под собой никакой правовой и нравственной основы. Вопреки воле большинства людей развален Союз, разрушаются армия и обороноспособность страны, республик. Это действительно заговор, это действительно государственный переворот.

Поэтому дело "гэкачепистов" нужно сейчас людям, сидящим в государственных креслах и в первую очередь Ельцину, чтобы им прикрыть собственное беззаконие. Только поэтому, когда уже юридически нет Союза, нет его президента, продолжали их содержать в следственном изоляторе, продолжали вести следствие.

Дело о путче займет особое место в правовой практике и по ряду других причин.

Во-первых, грубой подменой права политикой было осуществлено принесение дела в жертву, в угоду амбициям государственных лидеров в борьбе за личную власть. Оно расследовалось по тому же сценарию, что и дело об убийстве Кирова С. Тогда, в 1934 году, Сталин, воспользовавшись убийством, объявил поход против оппозиции и путем жестоких репрессий разгромил ее.

Сейчас почти то же самое повторяет Ельцин, используя послушное руководство прокуратуры России. Осталось только ждать "крещения" нового Вышинского.

А оно может состояться. Российским президентом уже создан огромный карательный орган из МВД и Комитета госбезопасности, подобный тому, что существовал в 30—50-х годах, во времена нашей трагической истории. Саму прокуратуру все больше и больше из надзорного органа переделывают в карающую десницу президента, в угодливое орудие исполнительной власти.

Во-вторых, тем, что следствие велось с грубыми нарушениями законности. Можно, не читая его материалов, однозначно сказать, что обвинение путчистов в измене Родине несостоятельно. Арестованные всю свою сознательную жизнь верой и правдой служили Отечеству, своей стране. В те августовские дни ими двигало одно стремление: восстановить действие Конституции СССР, сдержать разрушение союзной государственности, но никак не стремление предать Родину.

Да, ими было объявлено и введено чрезвычайное положение в Москве, ряде других мест, но и это не может свидетельствовать о предательстве. Если это предательство, то как квалифицировать введение чрезвычайного положения в г. Баку в январе 1990 года. Тогда документ о его введении в нарушение ст. 119 Конституции СССР подписал Горбачев. Он практически устранил законно избранную власть Азербайджана и не согласовывал с ней вопреки Конституции страны установление чрезвычайного режима, то есть фактически превысил свои служебные полномочия.

Горбачеву все сошло с рук. Других за те же действия привлекают к суду. Как не сказать после этого, что дело носит явно политический характер. Носит, да еще какой!

Прокуратура России бросила на него все силы и словно не заметила, что чуть позже самый настоящий неконституционный захват власти с разгоном существовавших законных органов совершится в Чечено-Ингушетии.

Однако никакого следствия по нему не проводилось и не ведется. Может быть, потому, что нынешний Председатель Российского Верховного Совета Хасбулатов Р. — выходец оттуда, а коли так, то и не смей прокуратура нос совать туда, куда не велено.

Теперь у следствия остается последний довод, последний аргумент. Обвинить "путчистов" в захвате власти у президента СССР, устранении его от управления страной. На мой взгляд, это обвинение тоже весьма зыбкое, и вот почему.

Есть немало оснований полагать, что так называемый путч произошел с ведома и согласия Горбачева. Он сам предоставил возможность "испытать" крайние меры. (Думаю, в суде путчисты будут об этом говорить). Когда эти меры "не сработали", то будущие арестанты первыми ринулись докладывать президенту, что они не смогли ничего сделать.

Об участии Горбачева в заговоре против самого себя говорит и тот факт, что он не был фактически отстранен от власти, не был изолирован. Так называемое блокирование Фороса скорее всего напоминает опереточную бутафорию или плохо разыгранный спектакль. Работники КГБ, выезжавшие в Крым с проверкой, прямо потом констатировали — погранвойска участия в заговоре не принимали, не было и изоляции Горбачева от внешнего мира.

Это один момент. Другой, не менее важный факт — заявление вице-президента Янаева на прессконференции, когда он сообщил, что вводимые им меры носят временный характер. С Горбачевым он находится в дружеских отношениях и будет с ним еще долго вместе работать.

Генеральный прокурор Степанков рано обольщается теми доказательствами, которые сейчас есть в деле. Он молод не только по возрасту, но и на прокурорской стезе. Его угодливость и попытка отличиться, "войти в историю" скорее всего обернутся для него обратным эффектом, потерей должности и презрением в народе, а может быть, и большим. Для этого оснований достаточно. Речь идет не только о деле путчистов, но и о его безнравственной и противоречащей закону позиции, связанной с арестами и уголовным преследованием на территории России рижских, литовских омонцев.

Здесь Степанков, соглашаясь с арестами и давая указание работникам МВД об их исполнении, явно превысил свои служебные полномочия. Имя его в общественном сознании также стало нарицательным.

В деле о заговоре он допустил еще одно грубое беззаконие, соединив материалы следствия и обвинения в отношении Лукьянова А, водно производство со следствием и обвинением других "путчистов". Я глубоко убежден, что прокуратура не располагает доказательствами виновности Лукьянова А. О каком захвате власти может идти речь с его стороны, когда он в государстве по Конституции занимал высший пост — председателя Верховного

Совета СССР? Законно был избран на него и занимал пост до последнего момента. Надо ли ему захватывать власть, когда она находилась у него?

Арест Лукьянова А. носит чисто политический характер. Расправа с ним на совести Горбачева, Ельцина, Степанкова и Трубина. Лукьянова изолировали не потому, что он был замешан в путче. Его убрали, и сделали это на глазах народных депутатов, публично, при скоплении большого числа людей, чтобы психологически, морально подавить народных избранников, подавить всякую их сопротивляемость президентам, их неумному стремлению к авторитарной власти.

Изоляцией Лукьянова устраняли одно из серьезнейших препятствий на пути разгона Верховного Совета СССР и съезда народных депутатов СССР. Эти органы обезглавили, сделали неспособными и по существу похоронили.

История этого не простит, авантюризм должен быть наказан, ибо за него мы уплатили слишком большую цену.

С изоляцией Лукьянова А. действительно торопились. Доказательства его вины не было. Ему предъявили обвинения, поэтому Степанков дал указание сначала задержать его в качестве подозреваемого. Этот беззаконник в прокурорском мундире словно забыл или не знал, что оснований для задержания в порядке ст. 122 УПК РСФСР не имелось. Думаю, необходимо для ясности воспроизвести содержание статьи. В ней прямо указано, что орган дознания вправе задержать лицо: если оно застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; когда очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо укажут на данное лицо, как на совершившее преступление; когда на подозреваемом или на его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления; и последнее — если подозреваемый не имеет места жительства или покушался на побег.

Ни одного из этих требований нельзя применить к задержанию Лукьянова А. Его вину необходимо было доказать, предъявить обвинение, если для этого имелись основания, и только затем арестовать.

Названный случай далеко не единственный пример грубого попрания Степанковым прокурорской этики и законности. В январе 1992 года "Независимая газета" сообщила об одном из его выступлений в Перми, в котором он сказал, что судьба всех арестованных по делу ГКЧП предрешена.

Осталось только глубоко сожалеть, что эти слова принадлежат прокурору России, лицу, наделенному полномочиями по осуществлению высшего надзора за исполнением законов.

По своей же сути они — свидетельство вопиющего правового нигилизма и невежества, неуважение основополагающего принципа правосудия, "презумпции невиновности". Заявляя подобное, Степанков предрешил вопрос о доказанности вины арестованных и их ответственности. Недопустимо взял на себя функции суда.

Подобная позиция Генерального прокурора — весьма опасный симптом его необъективности в расследовании и надзоре за следствием по делу об

августовских событиях, что дает основание утверждать: истина не установлена и может произойти непоправимая ошибка. Поэтому давно и вполне справедливо ставится вопрос о профессиональной непригодности Степанкова, о неуместности его нахождения на столь высоком посту.

Говоря о нарушении законности по делу о путче, не могу не вспомнить обстоятельства, связанные с производством обыска в доме и на даче у народного депутата СССР Фалина. Сообщение об этом самого Фалина на сессии Верховного Совета СССР в конце августа 1991 года вызвало у депутатов явный шок. Многие понимали, что они, народные избранники, являются заложниками Генерального прокурора Степанкова, никто из них не защищен законом.

Трубин, выйдя на трибуну, заявил, что ему об обыске ничего не известно, попросил время для проверки и последующего доклада сессии. Поручение о проверке дали и Комитету по законности. Казалось, истина и справедливость будут восстановлены. Но это только казалось. На вечернем заседании по поручению Комитета по законности с сообщением о результатах проверки выступил народный депутат СССР, профессор, доктор юридических наук, научный сотрудник

Института государства и права Академии наук СССР Яковлев А.М. Я слушал его сообщение и мне было стыдно за профессора, прослывшего ярким поборником демократии, защитником прав и законных интересов, свобод граждан. Сколько громов и молний он выпустил ранее на прокуратуру СССР, сколько критики и обвинений по поводу ее консерватизма и прочих грехов! Здесь же на трибуне стоял другой Яковлев, уже не громовержец, его словно подменили. Здесь стоял адвокат прокуратуры России. Он сообщил, что обыск у Фалина действительно произвели следователи с санкции заместителя Генерального прокурора РСФСР Лисова Е. Согласие на это у Верховного Совета СССР не истребовали. По мнению прокуратуры, как сказал Яковлев, в законе о статусе народного депутата СССР сказано, что депутат не может быть подвергнут личному обыску, его жилище, служебное помещение, занимаемое им, также не могут быть досмотрены без согласия Верховного Совета. Прокуратура сослалась на то, что в законе не сказано о необходимости получения согласия на обыск, поэтому она его и произвела. После этого, чтобы избежать в будущем каких-либо недоразумений, как выразился Яковлев, он предложил сессии принять поправку к закону, дополнив его словами о необходимости получения согласия и на производство обыска. На этом вопрос был исчерпан.

Оказывается, законность, права человека многие, в том числе и профессура, защищали только на словах и тогда, когда такой защиты не требовалось. Когда же закон был погран и потребовались решительность и конкретные действия по пресечению произвола, то у многих "духу", честности и принципиальности не хватило. Яковлев, словно студент-недоучка, а не профессор, никак не хотел назвать вещи своим именем. Коли запрещен хоть малейший досмотр жилого и прочего помещения депутата, то обыск тем более

не допустим. Любой обыск начинается с визуального осмотра, а потом уже переходит в глубокий поиск. Знал это профессор-демократ, знал, но лукавил, ибо нарушение допустили такие же собраты по демократии. А коли так, то и умолчал, увел своих от ответственности.

Что остается делать прокуратуре, Степанкову, когда у них такая мощная защита — продолжать действовать и дальше в том же духе.

Страшно все это, страшно, что нарушение допускает следствие. Но меня беспокоит и другое: будет ли объективным суд, если он состоится? Нет уверенности, что он будет независимым и не пойдет по сценарию, написанному в президентских или еще каких-то аппаратах. Хватит ли у наших судей сплоскости и мужества противостоять давлению, мощному прессу "демократических" газет и пойти не по той колее, которую для них усердно прокладывают президенты в своих книжках, депутаты в выступлениях на съездах и сессиях? Вспомнят ли они о деле Веры Засулич, о знаменитом русском юристе Ф.Кони, его резюме — напутствии присяжным перед их уходом в совещательную комнату для обсуждения вопроса о вердикте? Искренне желаю, чтобы суд был независимым, а судьи совестливыми и честными. Ждать, думаю, развязки осталось недолго.

Теперь снова хочу вернуться к августовским и последующим событиям. Я обратил особое внимание на поиск причин путча и на то, какие меры президенты, Верховные Советы предлагали, выработывали и принимали для неповторения заговоров в будущем. Для себя отметил, что Горбачев и Ельцин больше думали о личной безопасности, о личном благополучии, о личной власти и о том, как на ней "усидеть". В этом спектре чего только не было! Упразднили должность вице-президента, словно министр внутренних дел, например, не может организовать подобный путч. Обрушились на комитет государственной безопасности и, в частности, лишили его воинских формирований.

Однако дивизии можно поднять независимо от того, где и в чьем подчинении они находятся. Сам КГБ расчленили, но у реформаторов не шевельнулась мысль, хорошо это для государства или плохо.

О многом говорили на союзной и российской сессиях. Об одном и, может быть, самом главном, забыли сказать. Истинная причина августовских событий заключалась в самом президенте СССР, в его пагубном правлении страной. В том, что он стал инородным телом, властителем, изжившим себя. Сам понять, осознать это он не хотел и не мог в силу отсутствия совести и самокритичности. А коли Горбачев не хотел оставить президентский пост, то путч был неизбежен, месяцем ли, тремя ли раньше или позже. Но неизбежно он состоялся бы, ибо нельзя было больше терпеть развала государства, экономики, резкого обнищания народа.

В том, что путч произошел, виноваты в немалой степени и народные избранники. Разве им не было ясно, что Горбачев не только не способен управлять страной, вывести ее из кризиса, но и наоборот, лишь усугублял его? Разве не могли они вполне ясно и твердо сказать ему: "Хватит, народ и мы тебе

больше не доверяем"? Могли, но не сказали, а одиночные попытки заявить об этом, попросту говоря, тонули в атмосфере глубочайшего безразличия и попустительства. Я не могу не сказать слов сожаления и укора в адрес депутатов и потому, что они не сделали, и ни малейшей попытки докопаться до истины и безропотно сдали Лукьянова А., даже не спросив, а в чем же он может быть обвинен, какие собраны доказательства и есть ли необходимость в его аресте. Его судьба, его нынешнее положение и на их гражданской совести. Впрочем, только ли его судьба? А разве не их вина, что страна, государственность оказались разрушенными, разве не их вина, что народ доведен до отчаяния и унижения?

Испив всю горькую чашу до дна, мы, россияне, с тревогой смотрим в будущее России. К сожалению, оснований для оптимизма нет. Разрушительные процессы со всей мощью сейчас обрушились на Родину. Смею утверждать, что ни Западу, ни Востоку сильная Русь не нужна. Она нужна им лишь как богатый сырьевой придаток, и не более. Лишь в такой Руси нуждаются сейчас и бывшие ее сестры по Союзу — Прибалтийские республики. Она уже лишилась многих портов на Балтике и Черном море, Северный Кавказ и Татарстан не хотят жить в России. Много неясного и в отношениях с другими бывшими автономиями.

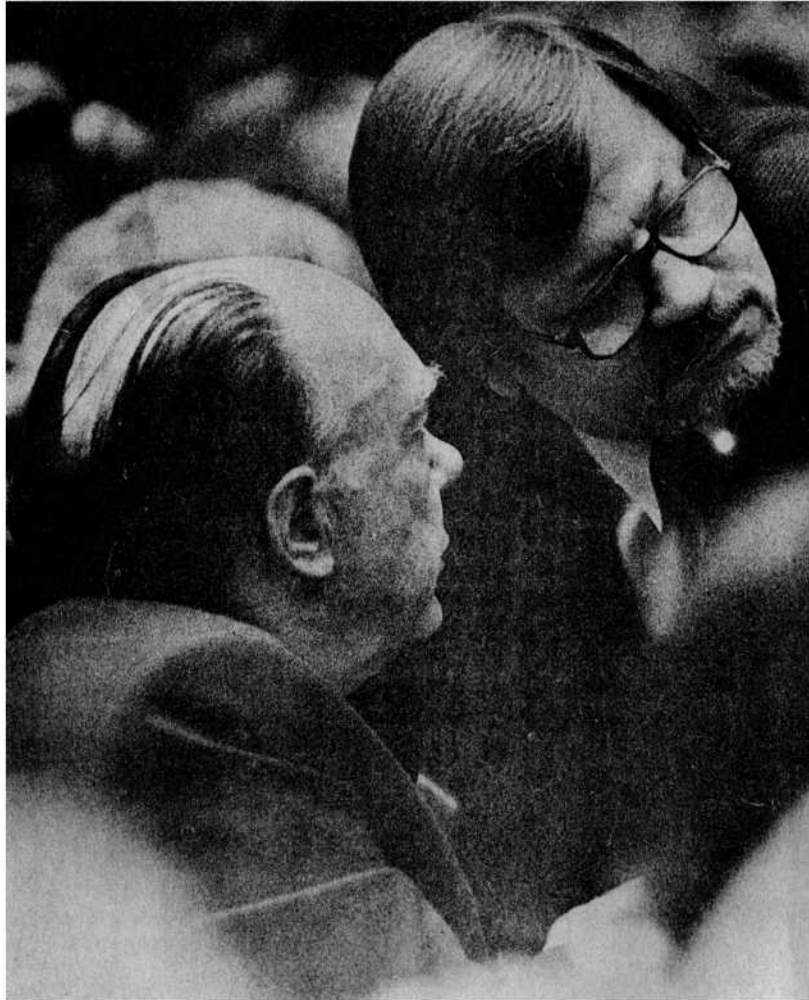
Разрушение Отечества началось и происходит по сценарию, давно известному зарубежным спецслужбам: на спекуляции вокруг национальных чувств, на противопоставлении бывших автономных республик единой Федерации.

К сожалению, и ныне Россия повторяет многие ошибки перестройки, начатой в 1985 году. Это, можно сказать, слепое ориентирование на Запад, слепое копирование его схем, уклада жизни, без учета российской действительности, что неизбежно приведет к раковой опухоли на теле нашего общественного организма. Меня глубоко беспокоят попытки иностранных государств, различных движений, организаций купить российских лидеров. Например, из президента Запад делает великого писателя и присуждает премию в области литературы. Италия награждает Ельцина своими государственными наградами. Где-то уже маячит и Нобелевская премия. А за что?

Я уже отмечал, что эпоха правления Горбачева характерна беспрецедентным попранием Конституций, правоотступничеством и, в первую очередь, президентским, а также анархией и произволом. Смею утверждать, что российское руководство допускает то же и даже в больших масштабах. Своим вероломством, волюнтаризмом, пренебрежением интересов широких народных масс оно в зародыше собственными руками убивает веру, стремление к светлой цели. Вызывает ненависть у людей и отвращение к великому слову "Демократия", от которого, к сожалению, люди уже шарахаются при одном упоминании и будут еще шарахаться долгие годы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лгать я не могу	5
Три лица Горбачева.....	9
О межнациональной розни *	11
Роковой шаг Горбачева.....	14
Как перевертыши Союз разваливали	17
Горбачев и взяточники.....	21
О событиях в Прибалтике.....	24
О так называемом путче.....	26
Тихий переворот.....	33
По статье "За измену Родине".....	35
К делу о путче.....	48
"ТЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ.	



ТАИНЫЙ СГОВОР Яковлев,
Ландсбергис

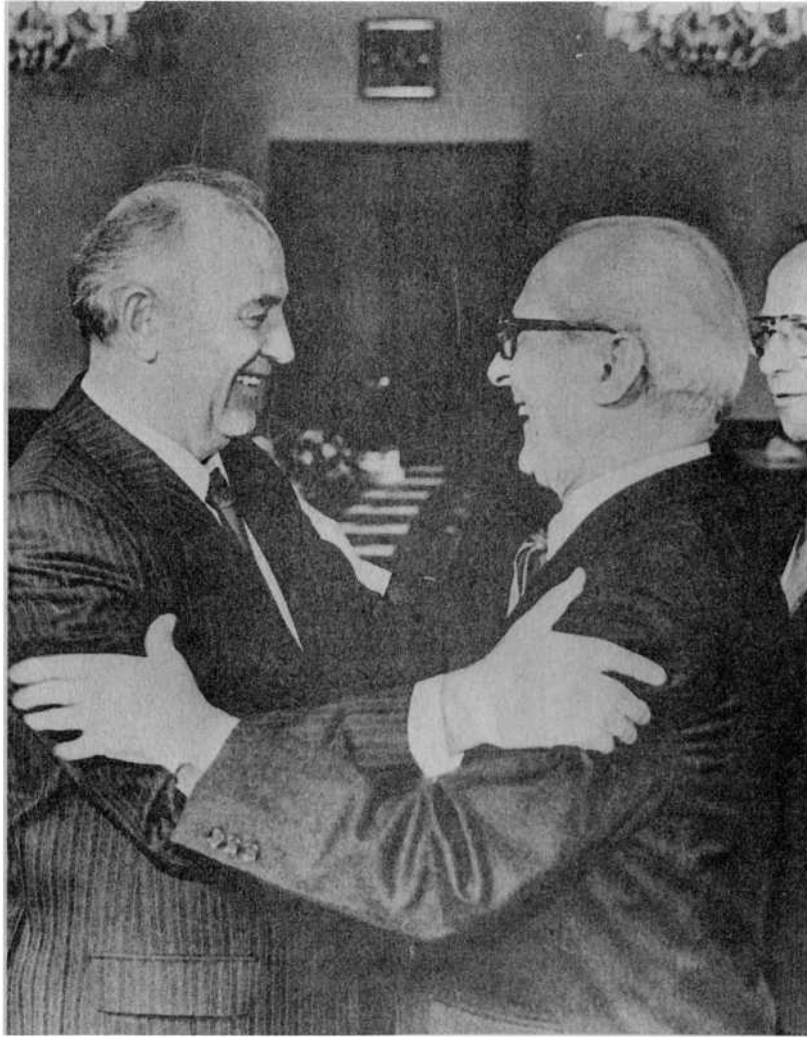
БЛИЖАЙШИЕ ДРУЗЬЯ: МЭР, ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ПЕНСИОНЕР, УЗНИК "МАТРОССКОЙ
ТИШИНЫ"
ЛУЧШИЕ НЕМЦЫ



А ГЭКАЧЕПИСТЫ - ЭТО ВУ-У-У-У!"



А ЗА РОССИЮ? А ЗА ВСЮ ДЕРЖАВУ?



ПОСЛЕДНИЙ СТАКАН

БЕДНЫЙ ЭРИХ! КОМУ ТЫ ВЕРИЛ?

”Виктор Илюхин сделал то, что вся прокуратура страны должна была сделать давным-давно. Он воспротивился нарушению закона, которое просто уже нельзя не замечать”.

Виктор АЛКСНИС

”Даже когда общество находится в состоянии затмения разума, должен был найтись человек и сказать: ”Король-то — голый!”. Илюхин спас остатки чести советской прокуратуры”.

Сергей БАБУРИН